

18+

СЕРГЕЙ ИЗУГРАФОВ

Смерть на Кикладах

СБОРНИК ДЕТЕКТИВОВ №1

Сергей Изуграфов

Смерть на Кикладах.

Сборник детективов №1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17854526

ISBN 9785447463199

Аннотация

Алекс Смолев переезжает из Санкт-Петербурга на греческий остров Наксос. Загадочные убийства постояльцев виллы и жителей острова заставляют Смолева принять активное участие в расследовании преступлений. Ему помогают его друзья, работники виллы, инспектор уголовной полиции острова и даже Бюро Интерпола в Греции. И вот снова очередное преступление ставит полицию в тупик... В сборник вошли повести «Убийство на вилле «Афродита», «Пропавший алхимик» и «Пять амфор фалернского».

Содержание

Убийство на вилле «Афродита»	7
Пролог	8
Часть первая	22
Часть вторая	33
Часть третья	53
Часть четвертая	70
Часть пятая	87
Часть шестая	110
Часть седьмая	134
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Смерть на Кикладах

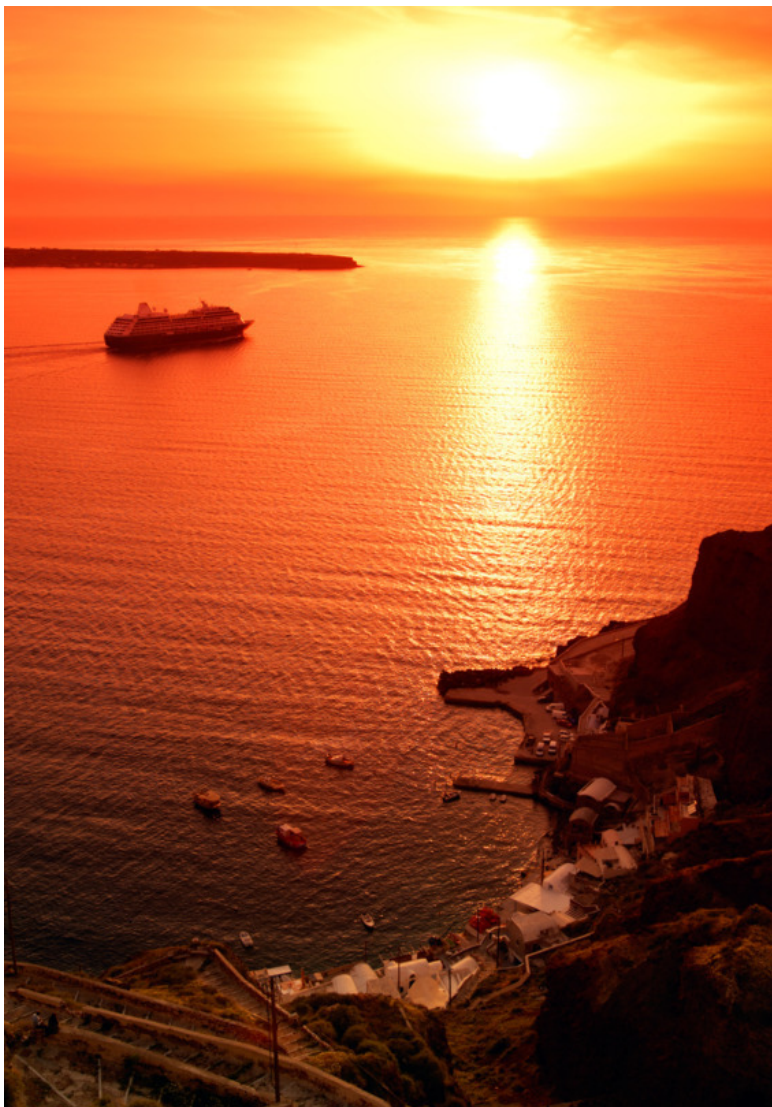
Сборник детективов №1

Сергей Изуграфов

© Сергей Изуграфов, 2020

ISBN 978-5-4474-6319-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пусть чередуются весь век
Счастливый рок и рок несчастный.
В неутомимости всечасной
Себя находит человек!

Гете, «Фауст»

Убийство на вилле «Афродита»

Муза, скажи мне о том многоопытном муже,
который,

Странствуя долго со дня, как святой Илион им
разрушен,

Многих людей города посетил и обычаи видел...

Гомер, Одиссея

Пролог

Мачты подняли, развив паруса, и канат отвязали,
Спутники все на него собрались и, усевшись
на лавках,

Разом могучими веслами вспенили темные воды...

Гомер. Одиссея

По лазури Эгейского моря летела красно-белая птица, разрезая волны острым форштевнем и оставляя за кормой волнующийся пенистый след. На борту катера белели буквы: «Vodafone» и «Hellenic Seaways».¹

«Каких—то три с половиной часа, всего пятьдесят евро, — и наш комфортабельный скоростной паром доставит вас из порта Пирей на прекрасный остров Наксос: крупнейший и один из наиболее живописных Кикладских островов!»

Три с половиной часа! Кошмар какой! Итальянскую туристку отчаянно мучило. Эти рекламные брошюры заморочат голову кому угодно! Как она могла согласиться на это путешествие по морю, когда можно было спокойно долететь самолетом всего за сорок минут? Это все Фабрицио, будь он неладен! «Дорогая, это так романтично: море, волны!»

При мысли о волнах ей снова стало хуже.

— Агата, да оставь уже в покое кошку, ради всего свято-

---

¹ «Греческие морские перевозки» — англ. (прим. автора)

го! – страдальчески прикрикнула она на дочь, быстроглазую жизнерадостную девчушку, тянувшую белоснежное хвостатое создание за лапы из корзины-переноски. Кошке, очевидно, тоже было не по себе от морского путешествия: у нее даже не осталось сил на то, чтобы выразить свой протест возмущенным мяуканьем.

Но куда подевался Фабрицио? Пропал, как в воду канул! Ей казалось, что с того момента, как муж ушел за минералкой для нее, прошла целая вечность.

В салоне быстроходного парома стоял ровный гул голо-сов: стайка итальянских студентов оживленно что-то обсуждала, по обыкновению перекрикивая друг друга, маша руками и раздражаясь то и дело дружным смехом; несколько супружеских пар беседовали вполголоса, наблюдая в иллюминатор за морской гладью и парящими в небе альбатросами; пожилая испанская пара – она отметила их еще во время посадки – ссорилась, вернее, жена что-то настойчиво выговаривала мужу, а тот угрюмо молчал; и, в довершение, из колонок звучала ужасная греческая музыка, которую она терпеть не могла.

Луиза всегда поражалась, как греческая цивилизация не смогла создать в музыке ничего достойнее нелепого заунывного завывания под струнную трескотню! А голоса, Святой Франциск! Хриплые, немелодичные... Ей, поклоннице благородного итальянского бельканто, этого никогда не понять!

Соседский мальчик лет двух вдруг снова громко вскрикнул и, заливисто рассмеявшись, в который раз швырнул на пол свою игрушку.

Луиза поморщилась: надо принять таблетку, иначе к тошноте прибавится еще и мигрень. Но где же носит Фабрицио?

Дверь в салон плавно отъехала в сторону, и на пороге появилась мужская фигура. «Ну наконец-то! Где ты...» – произнесла она было грозным тоном, но осеклась. Это был не Фабрицио.

В дверном проеме, выжидая, пока глаза привыкнут к полумраку салона после палубы, залитой солнечным светом, стоял мужчина – брюнет средних лет в отлично сшитом светлом костюме, держа в руках деревянную трость и кожаный дорожный саквояж. Ростом незнакомец был выше среднего, но отменная выправка словно добавляла ему еще добрых несколько сантиметров.

Такую благородную осанку Луиза видела только однажды в детстве, когда к ним в гости из Рима приезжал ее дядя, полковник гвардии Рафаэль Кавальканти – в великолепном военном мундире, с расшитыми золотом эполетами и в лакированных сапогах. С тех пор она всегда питала к военным слабость, но вот угораздило же ее выйти замуж за винодела!..

Луизе, сидящей лицом ко входу, удалось рассмотреть лицо незнакомца. Оно было усталым, странным образом отнюдь не загорелым, даже бледным. Глубокая складка – признак душевных переживаний – залегла у губ, серые глаза

внимательно рассматривали салон в поисках подходящего местечка. Небольшой тонкий шрам у левого виска несколько не портил синьора, скорее – наоборот, лишь добавлял интриги. Словом, настоящий романтический герой, один из тех, о которых она читала в юности. Сердце Луизы дрогнуло.

Поддавшись неожиданному для себя порыву, она едва не предложила ему место рядом – ничего, кошка посидит и на полу – но вовремя одумалась: Фабрицио должен был вернуться с минуты на минуту, будет скандал!

Луиза страдальчески вздохнула, и незнакомец обратил на нее внимание. Видимо, поняв ее мучения, он сочувственно улыбнулся, глядя прямо в глаза. Улыбка не была дежурной, Луиза почувствовала это сразу. Итальянка поняла, что краснеет и отвела взгляд. Тошнота разом пропала, словно ее и не было, а путешествие по морю вдруг показалось не такой уж и плохой идеей.

В это время громко и протестующе взвыла кошка: Агате удалось-таки вытащить ее из корзинки.

– Санта Мария! Агата! – вскрикнула несчастная туристка и, отобрав бедное животное у ребенка, вернула кошку обратно в переноску.

Мужчина в это время определился с местом и быстрым шагом прошел в дальний угол салона, разместил свой багаж над головой и сел в кресло, откинувшись назад и прикрыв глаза. За его спиной велись разговоры (по старой привычке полиглота-лингвиста он быстро определил языки) на ита-

льянском, английском, вон в том углу – по-испански. В салоне были одни туристы.

– Вы только подумайте! – громче других, перекрикивая соседей, вступила миловидная итальянка с копной роскошных черных волос. Когда она говорила, отчаянно жестикулируя, то встряхивала ими, словно в подтверждение своих слов. Мужчина невольно залюбовался ей. – Это же Киклады! Это древнейшая история! Это было еще до Рима! Я хочу посетить все острова!

– Готов спорить: наша Мария снова хочет на ночную пенную дискотеку! – съязвил один из студентов, и вся компания разразилась бурным хохотом, видимо, вспомнив что-то смешное из совместной прошлой поездки.

– Молчи, Рикардо, молчи, бестолковый птенчик! – не смущаясь, парировала Мария. – Ладно я – будущий врач, но вы – историки: вы хоть знаете, куда едете? Один только остров Дилос, где, по легенде, были рождены Аполлон и Артемида – обязательно нужно там побывать! А эти чудесные Наксос и Парос! Кстати, именно на Паросе была найдена знаменитая Паросская хроника, высеченная на мраморе: теперь она хранится в Оксфорде! Вы хоть знаете, о чем я говорю, балбесы?

«Балбесы» радостно перемигивались, пихали друг друга локтями и корчили веселые рожицы.

– Тебе, Микеле, еще учиться и учиться, смотри, отчислят из Университета, а у тебя тоже лишь пенные вечеринки

на уме да девушки! Представить только, уже сегодня мы будем на Наксосе и увидим фантастические врата храма Аполлона! Киклады – это две сотни маленьких островов, и у каждого своя уникальная история, атмосфера и дух – у каждого! А вам бы только хихикать, как малолетки, ей-богу! – последние ее слова утонули в дружном смехе ее друзей, которые знали ее давно и уже не обижались на такие выпады. Мария была душой компании, и идея поехать в Грецию принадлежала целиком и полностью ей.

– Наша Венера сегодня что-то так возбуждена: раскраснелась, смотри, как будто влюбилась, – бросил Микеле своему соседу.

К его счастью, она пропустила шутку мимо ушей и переключилась на новую тему.

– Кстати, о Венере! Вы знаете, что Венеру Милосскую, а это только одно из многочисленных изображений Афродиты, тоже нашли здесь, на Кикладах? Если бы вы могли напярчь свои скудные извилины, то даже догадались бы, как называется остров, где она была найдена!

– Интересно, расскажи, Мария! – попросили наперебой две ее подружки, а мальчишки согласно закивали головами.

– Ладно уж! Слушайте! В начале девятнадцатого века жил такой моряк-француз Оливье Вутье. Жуткий авантюрист, между прочим! Когда он решил попытать счастья на Милосе в поисках древностей, которые активно сбывал перекупщикам на черном рынке, он и представить себе не мог, что оты-

щет такое чудо. Вместе с местным крестьянином они и нашли статую. Представляете? Кстати, на тот момент у нее еще были на месте обе руки! Но у Вутье не было документов на ее вывоз, местные власти отказали ему, и он попросту бросил свою находку. Но навсегда вошел в историю, как человек, который нашел Венеру Милосскую.

– Ничего себе! – присвистнул Рикардо. – А что было дальше?

– А дальше началась и вовсе сумасшедшая интрига: прознав о находке, за ней отправился другой морской офицер, Жюль Дюмон-Дюрвиль, предварительно оформив все необходимые бумаги в Стамбуле. Оформить-то оформил, но не сказал властям, что именно собирается вывозить! И вот он прибыл на остров и видит, что Венеру уже погрузили на русский корабль, чтобы отвезти ее в Стамбул. Дюрвиль с трудом выторговал статую у русских, ссылаясь на то, что у него оформлено официальное разрешение на вывоз Венеры. Быстро погрузил статую на свой корабль, – и только его и видели! В Стамбуле, когда узнали, что они потеряли, пришли просто в бешенство. Турки даже публично высекли самых влиятельных граждан Милоса, обвинив их в потере сокровища.

– А руки-то куда делись? – подал голос Микеле.

– А руки у Венеры пропали уже по дороге. Говорят, была какая-то драка между турками и французами, во время которой статую и повредили. В таком виде – безрукую – ее

и привезли в Париж.

– А потом?

– Потом статуя была выкуплена Лувром, где и находится сейчас. Кстати, я считаю, что и Лувр, и Берлинский, и Британский музеи должны вернуть грекам их национальные реликвии. Это все принадлежит грекам! Согласны? Пусть хранятся в их музеях! Кстати! Как только мы прибудем на Наксос, я сразу же хочу осмотреть Археологический музей и Портару – развалины недостроенного храма Аполлона. Кто со мной?!

– С тобой я готов осматривать развалины любого храма, детка! Хоть до самого утра! Разве я не похож на Аполлона, я ничуть не хуже! – бойко выпалил один из смуглых темноволосых спутников Марии и предусмотрительно подскокил со своего места, так как в него уже летел пустой стаканчик из-под кофе, что наливали в баре на верхней палубе. Вся компания в сотый раз дружно рассмеялась.

Таинственный пассажир с улыбкой и интересом выслушал восторженную речь Марии и погрузился в собственные мысли.

Пятнадцать лет... Пятнадцать лет прошло с тех пор, как он впервые познакомился с профессором Смирновым, уникальным исследователем-лингвистом, лучшим другом и коллегой своего отца. Эти годы прошли в совместных трудах и поисках, но закончились печально... Это была неожиданность, несчастный случай... Но работа профессора была за-

кончена, и он ушел из этого брэнного мира, с честью выполнив свое предназначение.

У ученого, который с семейной жизнью был совершенно не совместим, не осталось наследников, зато оказался солидный счёт в одном из частных банков Петербурга, где Смирнов жил безвылазно все последние годы.

Печальное прощание, встреча с адвокатом, озвучившим завещание, по которому наследником Смирнов указал его, Алекса. Именно он, лингвист Александр Владимирович Смолев, для друзей – Алекс, друг и коллега ученого, внезапно и неожиданно для себя стал обладателем профессорского состояния.

Дом под Зеленогорском, лаборатория, библиотека, включая коллекцию древних глиняных табличек на шумерском и аккадском языках тоже остались Алексу. Пока за библиотекой и коллекцией приглядывал Фудзивара-сенсей, руководитель Додзе, где тренировался Алекс. Смолев планировал перевезти их позже в отель, который у него когда-нибудь будет.

Алекс вздохнул. А тут еще этот кардиолог, чтоб его! «Вы переутомились, мне не нравятся ваши сердечные ритмы, давайте покрутим педали, давайте повесим на вас суточный монитор! Вам надо срочно менять режим, вам нужно к морю! Талассотерапия то, талассотерапия сё...» Болтун. Знал бы он, как Смолев провел последние пятнадцать лет, был бы сильно удивлен! Но это совсем другая история...

На счетах профессора оказалось достаточно, чтобы исполнилась давняя мечта Смолева – дом у моря. В конце концов, этих докторов чему-то же учат в их медицинских институтах – может, он и прав, и все так удачно совпало.

Старый сослуживец Алекса, Виктор Манн, работал в афинском представительстве Интерпола уже лет двадцать, дослужившись до звания полковника и должности руководителя направления. Какого именно, Алекс, по понятным причинам, не интересовался. Именно Виктор-то и порекомендовал Алексу обратить внимание на Киклады, так красочно сейчас описанные Марией.

Островов много: найдется среди них и для Алекса укромный уголок с каким-нибудь старым венецианским особнячком на скалах, который можно будет переделать под отель по сходной цене.

Поскольку Греция уже который год переживала тяжелый экономический кризис, спровоцированный отчасти вступлением в Еврозону, а отчасти – недалёковидностью местного руководства, на рынке недвижимости царил застой. Более четверти миллиона объектов по всей Греции были брошены владельцами в недостроенном виде.

Смолев серьезно рассчитывал при покупке отеля уложиться в две-три сотни тысяч евро. Тогда у него остались бы средства и на реконструкцию, и на первые пару лет ведения бизнеса, и даже не небольшую таверну с видом на море.

Начать Виктор посоветовал ему именно с Наксоса: во-

первых, почти двадцать тысяч жителей, один из наиболее населенных островов архипелага, а это значит: и инфраструктура, и медицинское обслуживание (чёртова аритмия!), и какая-никакая цивилизация. Во-вторых: «Ты же любишь вино, а там есть виноградники, может быть, для тебя это шанс. Глядишь, лет через пять угостишь меня бутылочкой вина собственного производства! Попробуй, я дам тебе адресок одного своего знакомого на Наксосе, он тебе поможет с жильем. Поезжай, отдохни, а то действительно плохо выглядишь: на старый мятый баклажан похож!».

Тепло попрощавшись с другом, взявшим с Алекса твердое обещание «не пропадать и дать знать о результатах», Смолев отправился прямо в порт Пирей². Самолеты он не любил, а морская прогулка его не пугала: морской болезнью он не страдал, да и свежий ветер на верхней палубе способен, к счастью, выдуть из головы все крепко засевшие там дурные мысли и печали.

В момент, когда Мария бросила в спутника стаканчик из-под кофе и гневно сдвинула брови, а Луиза всячески пыталась снова привлечь внимание загадочного симпатичного незнакомца, в салоне наконец-то появился её муж Фабрицио.

Он хорошо знал свою супругу, поэтому держал в руках, едва не роняя на палубу, целую охапку бутылок с теплой и холодной водой, с газом и без него.

---

² Пирей – морской порт Афин, – прим. автора

– Скузи, кара³, – нежно проворковал он. – Там такая очередь в баре!

Смолев усмехнулся. Так это его он видел оживленно щебетавшим с миловидной блондинкой-барменшей у стойки. Ох, уж эти итальянцы!

Вдруг из левого угла салона раздался громкий раздраженный голос на испанском:

– Демократия, демократия! Что вы мне тычете в нос вашей хваленой демократией? Да ни черта она не стоит, вместе с вашим Евросоюзом! И в древности ни черта не стоила, и сейчас! Афины, говорите, – колыбель демократии? Сократ кто приговорил к смерти по ложному навету, даже разбираться не стали, а все от зависти и злобы, кто? Демократы! Кто все мужское население Милоса вырезал в четыреста шестнадцатом году....

Тут итальянка перебила его, решив, что он говорит что-то важное, а они его не понимают, и попросила перейти на английский. Испанец быстро перешел, нисколько не потеряв в экспрессии:

– Вырезали всех мужчин, всех до одного, а женщин и детей угнали в рабство! Кто? Ваши демократические Афины, и лишь за то, что Милос не вступил с ними в союз в Пелопонесской войне!

– Какой кошмар! – воскликнула Мария, тоже перейдя на английский, – неужели это правда?

---

³ «Прости, дорогая!» – ит. – прим. автора

– Правда, – угрюмо ответил испанец. – Здесь пролиты реки крови, на этих островах, уж поверьте мне, девочка, за эти тысячи лет... Реки, реки крови!

– Но это же было так давно! – вклинился тот самый смуглый парнишка, сравнивший себя с греческим богом. – Сейчас же все совсем иначе. Двадцать первый век на дворе!

– Давно? Вы очень наивны, мой друг, но ваша молодость вас извиняет... Войны, путчи, перевороты прошлого века задела Киклады, как и всю Грецию... – Тут голос старика внезапно дрогнул, и он нервно провел рукой по глазам, словно пытаясь отогнать навязчивое видение.

Его жена давно и с тревогой следившая за ним, сделала знак молодежи, покачав головой, и погладила мужа по плечу, успокаивая его. Компания умолкла, но скоро переключилась на свои разговоры, вновь заливаясь смехом. Одна Мария молча и сочувственно смотрела на испанцев.

– Зачем же вы едете сюда, – наконец тихо спросила Мария у испанки, – если у вас такое тяжелое впечатление от Греции? Разве в Испании нет своего побережья? Почему не поехать туда?

– У Карлоса много связано с Грецией: вся его молодость, первая любовь, учеба в университете, политическая борьба, – все осталось в прошлом, и все в Греции, – грустно улыбнулась испанка и продолжила вполголоса: – Мой супруг нездоров, врачи порекомендовали Киклады. Говорят, климат здесь уникальный. Я так надеюсь, что ему здесь полегча-

ет! Мы остановимся на вилле «Афродита». Нам друзья посоветовали... Говорят, что это достойный дом и гостеприимные хозяева.

– Вилла «Афродита»? Но и мы едем туда же! – воскликнула Мария. – Надеюсь, ваш супруг выздоровеет!

Испанка в ответ только грустно улыбнулась и, повернувшись к мужу, заботливо укрыла его пледом. Карлос, похоже, дремал: эта эмоциональная вспышка отняла у него слишком много сил.

Вот тебе и раз, подумал Смолев, соседями будем! Вилла «Афродита» как раз и была целью его недолгого путешествия из Афин. А может, и долгого, подумал он: если все сложится – путешествия, длиною в жизнь... Тихая пристань, о которой он давно мечтал. Если сложится... Хотя вряд ли, вот так, с первого раза – так не бывает. Не с моим «везением», усмехнулся он.

Алекс взглянул на часы: до прибытия в порт Хоры Наксоса оставалось еще больше двух часов. Он достал наушники, айфон, включил музыку, натянул на глаза черную повязку – и под любимую им классику счастливо проспал весь путь до острова.

Часть первая

В свете ж вот какое чудо:

Остров на море лежит,

Град на острове стоит.

А. С. Пушкин. «Сказка о царе Салтане»

Высадка на берег прошла без особых приключений. Пассажиры скоростного парома группами радостно покидали борт, ступая на гостеприимный берег Наксоса.

Остров встретил приезжих свежим ветром и группой ожидающих с табличками. Да, Виктор так и говорил, что весь остров – практически одно небольшое семейное предприятие. Островитяне очень радушны, гостеприимны и рады приезжим: и с парома встретят, и поселят, и накормят, и на паром проводят.

Среди множества картонок с фамилиями приезжих и «Rooms to let»⁴ Алекс заметил фамилию «Mr. Smoleff», начертанную красным фломастером на куске фанеры, что держал высоко над головой молодой грек в белоснежной футболке и выгоревших добела джинсах, и направился прямо к нему.

– Добрый день, Смолев – это я. А вы Костас, сын Никоса? – спросил он, встав напротив парня и протягивая то-

---

⁴ «комнаты в аренду» – англ. (прим. автора)

му руку для рукопожатия после того, как поставил саквояж на песок, а трость аккуратно положил сверху.

– Кали мера!⁵ Добро пожаловать на Наксос! – сверкнул белоснежной улыбкой на загорелом лице юноша и ожидаемо удивился, увидев скромный саквояж гостя. – Как? Это весь ваш багаж? Но мне сказали, что вы останетесь минимум на две недели.

Молодой грек говорил на сносом университетском английском, с характерным твердым греческим акцентом. Ну что ж, пора и мне начать учить греческий, подумал Алекс, раз уж у меня такие грандиозные планы.

– Мне хватит, Костас, у меня скромные запросы. На острове есть магазины, если что-то потребуется. Ну что, как мы, пройдемся пешком до виллы?

– Как вам захочется! – снова улыбнулся Костас. – У нас заказано такси, но и пешком от порта до виллы всего минут пятнадцать быстрым шагом.

– Я бы с удовольствием неспешно прогулялся и поглазель по сторонам, а вы пока мне подробно расскажете об острове, вилле и её хозяевах, – идет? – предложил Смолев. – За это с меня угощение для вас и вашей девушки в любом ресторане острова на ваш выбор. Конечно, только вы двое, без меня. Трое в этом случае – это уже толпа! – перефразировал Алекс английскую поговорку. – И чтобы таксист не держал на нас обиды, вот, передайте ему, пожалуйста, двадцать евро

---

⁵ «Доброе утро!» – греч. (прим. автора)

и отпустите с Богом!

Молодой грек весело рассмеялся, с довольным видом покивал и убежал отправить такси.

Смолев видел, как Костас что-то объяснял водителю «Мерседеса», стоявшему рядом со своим автомобилем на парковке, показывая рукой в сторону Алекса; водитель сначала разочаровано покачал головой, но, когда Костас протянул ему купюру – радостно схватил ее, весело похлопал Костаса по плечу, помахал рукой Смолеву, прокричал: «Эвхаристо!»⁶, вытащил табличку из салона и поспешил к толпе приезжих, желая закрепить неожиданную удачу.

И ему вновь повезло: итальянское семейство – Луиза, Фабрицио и маленькая Агата немедленно загрузили его множеством чемоданов, сумок и свертков, включая корзинку с кошкой, совершенно очумевшей от новых впечатлений и запахов.

Стайка итальянских студентов, весело перебивая друг друга, расселась на скутеры и квадроциклы и с восторженными криками понеслась в сторону Хоры. Пара пожилых испанцев взяла такси. Постепенно толпа, разбираемая встречающими, редела. Костас вернулся с бутылкой холодной воды для гостя, подхватил его саквояж, и они отправились в путь.

Столица острова – Хора, она же – Наксос, раскинулась на холме прямо перед ними. Запутанный многоярусный лабиринт из белоснежных домиков с живописными арками,

---

⁶ «Спасибо!» – греч. (прим. автора)

лестничными пролетами, увитыми зеленью и цветами. А над ним – бастионы полуразрушенной венецианской крепости.

– Это Бурго, старый город, – проследив взгляд Смолева, сказал Костас. – Он действительно очень старый, с непривычки там легко заблудиться. Настоящий лабиринт! А названия улочек! Вам очень понравится. Моя девушка, например, живет на перекрестке улочек Аполлона и Диониса!

– Прелесть какая. А крепость на холме? – поинтересовался Алекс.

– Это Кастро, венецианская крепость, основана рыцарями, что вернулись из крестовых походов. Когда-то венецианцы правили островом. Туда можно подняться, оттуда отличный вид на бухту и на Портару. Там археологический музей и винные погреба, стоит посетить! Вон, кстати, справа, – юноша показал рукой в направлении небольшого островка-сателлита, к которому вела узкая насыпь. – Видите огромную квадратную арку? Это и есть знаменитые ворота храма Аполлона.

– А где же сам храм? – поинтересовался Смолев.

– То ли разрушен, то ли попросту не достроен, – никто точно не знает! – весело и безмятежно рассмеялся Костас, снова сверкнув белоснежной улыбкой. – Зная характер островитян, оба варианта возможны. Но ворота есть, и влюбленным парочкам этого достаточно!

Приятный парень, подумал Алекс, рассматривая арку. Повезло с провожатым. Да и остров произвел на него,

по крайней мере – пока, самое благоприятное впечатление – безмятежностью своей, что ли, спокойствием...

Но я отвлекся, он, кажется, что-то рассказывает.

– Вид с холма и на море замечательный, но тут отовсюду вид на море. Остров же! Отдельно доплачивать не нужно, – снова рассмеялся грек. – А Портару все ходят смотреть на закате, наблюдать, как садится солнце в арке древних ворот – это у местных любимое романтическое развлечение: считается, что, если юноша пригласил девушку встретить закат у Портары, это и объяснение в любви, и предложение руки и сердца. Раньше только местные ходили, а теперь и туристы не отстают. Хотя туристов здесь никогда не было много, а после кризиса – вообще никого нет. Так что, Ирини – хозяйка «Афродиты» – вам будет очень рада. Вилла-то полупустая.

По мере удаления от причала спутникам становилась лучше видна бухта, где всё еще мерно качался на волнах доставивший Смолева паром, ожидая погрузки и отплытия в обратный путь.

Живописная дамба соединяла берег с небольшим островом-сателлитом Палатий, где и находился разрушенный храм Аполлона, который так мечтала посетить бойкая итальянская студентка.

За разговорами они неспешно двигались вдоль пляжа Айос Георгиос. Смолев с вполне понятным интересом рассматривал кафе и таверны, выходящие своими террасами

на пляж.

– Чем это так вкусно пахнет? – покрутив носом, поинтересовался он у своего спутника, проходя мимо очередной таверны.

– О! Это таверна старого Леонидоса. Готовит фирменное блюдо – астакомакаронадо, – бойко выговорил Костас. – Это паста, спагетти, с омаром. Еще у него потрясающий росто, пальчики оближешь!

– Росто? Это что? – поинтересовался Смолев, чувствуя, как у него уже начинает подсасывать под ложечкой.

– Это петух, тушеный в вине. Древний островной рецепт. А вон, чуть дальше, видите? Это таверна матушки Софии. Мой отец уже сорок лет привозит ей свежую рыбу, кальмаров и каракатиц. Ее сын жарит их на гриле. На праздники они готовят патудо – это фаршированный барашек, – Костас забавно закатил глаза и сочно причмокнул губами. – Его запивают местным вином и ракомело. А какие у нее сыры! Все местные сорта!

Смолев представил себе барашка, сыры, вино и решил, что если не поменять тему разговора, то до виллы он точно не дойдет: засядет, и надолго, в таверне на пляже. Свежий ветерок с моря, ласковое солнце, восхитительные запахи из таверн сделали свое дело – аппетит разыгрался не на шутку!

Тем не менее, он поинтересовался:

– Ракомело?

– Здесь ракию предпочитают пить с медом – мело, добав-

ляя его в напиток. И сладко, и крепко! – рассмеялся Костас. – Местные любят жизнь во всех ее проявлениях. Кстати, у ма-тушки Ирины на вилле тоже неплохо готовят, но до кухни таверны Софии ее повару далеко.

– Зайду обязательно. Кстати, насчет виллы. Почему вы го-ворите, что хозяйка виллы – Ирины? Мне рассказывали, что хозяина зовут Георгиос?

– Так вы ничего не знаете, – расстроился Костас. – Старый Георгиос умер три недели назад от инфаркта. Слава богу, ему было крепко за семьдесят. Да и надо сказать, последние годы он хозяйством не слишком и занимался: любил пить кофе и отдыхать. Много кофе, очень много. Ну и ракемело, конечно... Вот сердце, похоже, и не выдержало. Хозяйка до сих пор ходит в трауре, сами увидите. Поговаривают – а у нас слухи разносятся очень быстро – что этот сезон для нее последний, потом она продает виллу и уезжает на Пелопоннес к родне. Все местные жалеют. У них еще таверна была, так и называлась «Ирины», на самом берегу, в очень хорошем месте, люди всегда ходили. Свое вино со своего виноградника в долине. Но виноградник был продан еще три месяца назад. Таверна сейчас закрыта, выставлена на продажу. И две лодки старого Георгиоса тоже продаются. Одна, правда, совсем рассохлась, но побольше которая – в хорошем состоянии, отремонтировать – и в море! Но кто купит? У местных нет денег. А приезжих практически раз-два и обчелся. Да и зачем им здесь лодка?

Они свернули от моря на одну из улочек белоснежного лабиринта и очутились в самой старой части города, сразу попав в тень и прохладу узких улиц.

Поднявшись по каменным ступеням и сделав бесчисленное количество поворотов, они наконец вышли на улочку Апиранто, где и находилась вилла «Афродита» – небольшой отель, расположенный в историческом здании с толстыми белеными стенами, ярко-синими ставнями и дверями номеров для постояльцев.

Войдя через калитку на тенистую нижнюю террасу, всю заросшую виноградом, Смолев поднял голову и к вящей сво-

ей радости обнаружил огромные гроздья, свисавшие с речного потолка террасы.

Боже мой, именно об этом я и мечтал! Пока все идет как надо, подумал он.

В который раз поднявшись по ступеням, они вышли на галерею, откуда можно было попасть в любой из номеров, хозяйские апартаменты и верхнюю террасу-ресторан с видом на море и на бухту Наксоса.

У входа на верхнюю террасу их ждала пожилая хозяйка, одетая в траур. Она тепло улыбнулась Алексу, сердечно пожав ему руку сухой, маленькой, но крепкой ладонью.

Увидев в руках Костаса саквояж Алекса, она удивленно и тревожно проговорила что-то на греческом. Костас снова рассмеялся.

– Матушка Ирины удивляется, что багажа у вас так мало. Надеется, не потому, что вы скоро уезжаете? Она очень расстроится.

– Нет, нет, – поспешил заверить Алекс, – напротив, скажите ей, что мне здесь все понравилось: и остров, и ее вилла. Пожалуй, я задержусь здесь даже дольше, чем планировал.

Костас перевел хозяйке его слова, лицо ее разгладилось и просветлело. Гречанка взяла Смолева за руку своей цепкой ручкой и повела по галерее к его номеру. Открыв дверь ключом, она впустила его вперед, отвесив шутливый подзатыльник Костасу, мол, не лезь, куда не просят. Тот весело рассмеялся, быстро увернувшись, поставил саквояж Смоле-

ва на пол номера и выскочил за дверь.

Хозяйка провела Алекса по комнате, оказавшейся просторной и уютной одновременно, показала жестом на кровать и удобства, распахнула дверь на балкон, заросший цветами и вьющимся виноградом. На балконе он обнаружил два удобных кресла, столик и застыл, зачарованный видом на бухту.

Ирини, видя тихий и искренний восторг гостя, снова улыбнулась, похлопала его по спине и что-то произнесла. Смолев беспомощно смотрел на нее, улыбаясь в ответ. Срочно учить греческий!

– Костас, – наконец сообразил он, – куда же вы пропали, идите сюда! Будете переводчиком.

Юноша заглянул в номер, поймал неодобрительный взгляд хозяйки и благоразумно остался за порогом комнаты, готовый перевести слова Ирини, обращенные к гостю. Женщина снова что-то произнесла, Смолев вопросительно взглянул на молодого грека.

– Ирини надеется, что комната вам нравится, это одна из лучших в отеле. Приглашает вас на общий ужин сегодня. Она познакомит вас с постояльцами и персоналом отеля. Хозяйка специально приглашает повара сегодня вечером, будут готовить фаршированного барашка...

– Патудо? – с восторгом вспомнил Смолев гастрономическую лекцию, что прочел ему Костас по дороге на виллу.

– Патудо, патудо, – подтвердила, улыбаясь, гречанка

и снова похлопала Алекса по спине.

– А пока отдыхайте: вино, вода и сыр в холодильнике, фрукты на столе. Ужин на верхней террасе через три часа, – переводил Костас. – Добро пожаловать на виллу «Афродита»!

Хозяйка ушла, за ней и Костас, весело насвистывая. Помимо купюры в двадцать евро за помощь, Смолев подтвердил свое обещание оплатить юноше ужин на двоих в любом ресторане острова на его выбор. Парень толковый, и еще сможет быть очень полезен.

Алекс прикрыл дверь, разобрал вещи и принял душ, смыв с себя усталость после парома. Открыл бутылку местного белого вина, налил себе в бокал и вышел на балкон.

Море расстилалось перед ним до самого горизонта. Алекс вдруг почувствовал себя дома – и очень удивился... Задумчиво рассматривая в бухте белоснежные яхты и рыбацкие лодки с ярко-голубыми линиями вдоль бортов, он переводил взгляд на крыши домов и вилл, вдыхая запах моря полной грудью; закрыл глаза и прислушался к себе. Спокойствие и безмятежность?..

Может быть, он и в самом деле нашел то, что искал?

Часть вторая

Барашек патудо (остров Наксос)

1 барашек 6—8 кг (с внутренностями)

1 кг зеленого лука

1 пучок укропа

1/2 кг твердого сыра

1/4 кг соленого свиного сала

1 чашка риса

2 чашки сливочного масла

соль, перец

Помыть и почистить барашка. Нарезать печень на небольшие куски и измельчить зеленый лук. В большую сковороду положить чашку масла и обжарить в нем печень и лук, затем добавить сало, рис, укроп, посолить, поперчить, налить немного воды и оставить на огне на 2—3 минуты. Затем снять начинку с огня, порезать твердый сыр на кусочки, добавить его в начинку и перемешать. Данной смесью начинить барашка и зашить толстой ниткой. Посолить и поперчить тушу снаружи и обмазать остальным маслом. Жарить 3 часа на медленном огне.

Из «Поваренной книги острова Наксос» Алекса Смолева

Ровно через три часа в дверь номера постучали. Алекс открыл дверь.

На пороге стояла очаровательная молодая гречанка и молча улыбалась, глядя на Смолева. Алекс, потеряв дар речи, смотрел на нее: красавица – огромные черные глаза, нежная кожа, белоснежная улыбка! Пауза начала затягиваться. Не стой столбом, одернул сам себя Алекс, ты же лингвист, скажи уже что-нибудь. Но девушка, насладившись его замешательством, сама первой произнесла слова приветствия:

– Добрый вечер! Меня зовут Катерина, я горничная, меня за вами прислала матушка Ирины. Я провожу вас к гостям! – все это она произнесла очень быстро, почти скороговоркой.

Первые несколько секунд Смолев в легком смятении со-

ображал, что случилось, и почему это он вдруг стал понимать греческий как родной. Потом до него дошло, что девушка говорит на чистейшем русском языке, хоть и с едва уловимым акцентом.

Наблюдая его растерянность, Катерина весело рассмеялась, слегка закинув голову назад.

– Не удивляйтесь, я говорю по-русски, у меня мама русская, а папа грек, – также стремительно объяснила она. – Матушка Ирины сказала, что вы из России и вам будет приятно поговорить со мной на родном языке. Вас ведь зовут Алекс? Не стойте же, Алекс, пойдемте, почти все уже собрались. Столы накрыты, вас ждут.

– Да, конечно, Алекс, все верно... Да, да, пойдемте, – пролепетал невпопад Смолев с опозданием, не ожидавший такого напора, и отправился вслед за своей провожатой.

Девушка, оборачиваясь, рассматривала его своими блестящими черными глазами, то и дело прыская в кулак.

– Костас мне сказал, вы только сегодня прибыли на остров с дневным паромом, вам у нас уже нравится? – спросила она, развернувшись вполборота, не снижая скорости. – Ой, чуть не забыла: спасибо вам за ресторан, мы обязательно воспользуемся вашим приглашением!

– Так вы – девушка Костаса? – догадавшись, с облегчением рассмеялся Алекс, наконец приходя в себя.

– Да, мы собираемся пожениться через два года, когда Костас вернется на остров после окончания Университета.

А пока мы видимся на каникулах, когда он приезжает домой, и когда я приезжаю к нему в гости в Салоники, где он учится.

– На каком факультете он учится? – поинтересовался Смолев, стараясь не отставать от своей провожатой, взлетающей по крутым лестничным пролетам с грациозной легкостью молодой серны.

– На сельскохозяйственном! Тут все учатся на сельскохозяйственном. Наксос кормит пол-Греции! Вы не знали? Что вы! Кстати, мама говорит, что вкуснее картошка растет только в Сибири, откуда она родом, а так на острове лучший картофель в Греции! Кстати, и сын матушки Ирины, Димитрос, тоже заканчивал этот факультет несколькими годами раньше. Вы с ним сегодня познакомитесь. Главное, успеть, пока он трезв. Он прекрасный человек. Таким был работающим всегда! А какой заботливый сын! Но после смерти отца он редко бывает трезвым. Серди-и-тый, когда выпьет! Главное, чтобы они снова не сцепились с Константиносом, как три дня назад. Матушка Ирины сгорит от стыда перед гостями...

– А кто такой Константинос? – переводя дух перед последним марш-броском, спросил Алекс.

– Это родственник семьи... Какой-то дальний. Константинос Галифианакис, юрист. Так он всем представляется. Кажется, двоюродный брат покойного Георгиоса. Тот назначил его своим душеприказчиком по завещанию. Он то ли адвокат, то ли нотариус – я в этом не разбираюсь. Одно могу сказать: неприятная личность! Ему за семьдесят, а он пытался

меня лапаты за колени, когда я приносила кофе в номер. Он этот кофе пьет просто литрами и все время требует, чтобы именно я его обслуживала. Я не хочу скандалить и боюсь, если Костас узнает – так он его убьет! Противный старикашка. У него есть еще секретарь, Иоаннис Митрас. Молодой, но тоже наглый и высокомерный, зализанный такой весь ходит, напомаженный... Аж плюнуть хочется! Как моя мама говорит: «Каков поп, таков и приход!». Очень Димитроса боится, тот ему уже один раз врезал, когда он младшую из горничных прижал в углу. Как он скулил! Потом неделю не показывался, синяк запудривал. Константинос ждет секретаря со дня на день с какими-то важными бумагами из Афин. Митрас обычно тоже в номере сидит, как паук, носа не высовывает, все к себе горничных вызывает по любому поводу... Если повторится, придется сказать Ирини, но она, похоже, ничего не может с ним поделать: он ведет себя здесь как дома. А я не хочу терять работу, мне здесь нравится. На острове работы вообще не найти! Да и здесь, похоже, последний сезон, – в голосе девушки ясно прозвучали грустные нотки.

– Да, мне Костас говорил, что вилла продается. Но вы, может, останетесь работать и при других владельцах, – сумел вставить слово утешения Смолев.

– Хотелось бы, я стараюсь, как могу. Если бы не этот противный Константинос. Скользкий он какой-то, как медуза. Скользкий и липкий, если вы понимаете, о чем я. Садовника нашего отчитывал, как мальчишку! А тот сорок лет здесь

трудится! Повариху довел до нервного срыва своими придираками. А с Димитросом у них почему-то просто война. Болтают, что все из-за завещания старого Георгиоса. Слава богу, Константинос из своего номера выходит очень редко, и сегодня его на ужине не будет. Уф-ф-ф-ф... Ну вот мы и пришли! Ну, тут я вас покидаю, мне нужно помочь на кухне и за столом, а потом я к вам вернусь! – девушка почти втолкнула Смолева на террасу, где были накрыты столы, играла музыка, был слышен шум голосов и веселый смех, а сама, развернувшись на каблучках на сто восемьдесят градусов, быстро исчезла.

«Вот это скорость, – мысленно поразился Алекс. – Пожалуй, я бы не выдержал. Я уже старый, мне нужен покой. Безмятежность и спокойствие. Спокойствие и безмятежность. И одиночество? – тут же с сожалением подумал он. – Ты ведь совершенно одинок. Не пора ли?...» Но тут он сделал над собой усилие и прогнал дурные мысли, хоть и знал, что ненадолго. В последнее время они посещали его все чаще и чаще... Ну, а пока – спокойствие и безмятежность! И бокал хорошего вина. Похоже, его тут в достатке, отметил он, входя на террасу.

Вокруг накрытого стола, что практически делил террасу пополам, толпились два десятка человек с бокалами в руках. Дверь в кухню то и дело распахивалась, изливая на присутствующих неземные ароматы тушеного мяса, чеснока, оливкового масла, специй и соусов греческой кухни; оттуда

на террасу шустро сновали официантки, деловито накрывая на стол, который и так уже ломился от закусок, вина и многочисленных местных специалитетов.

Хозяйка виллы заметила Смолева и подошла к нему сама, держа под руку хмурого широкоплечего мужчину лет тридцати.

– Добрый вечер, – по-английски, с сильным акцентом произнес мужчина. – Я Димитрос, сын Ирины. Мы с мамой рады приветствовать вас на вилле «Афродита». Мы много слышали о вас от наших афинских друзей. Принимать вас – для нас честь и удовольствие. Мама говорит, – добавил он после короткой паузы, внимательно выслушав греческую скороговорку матери, – мама говорит, что вы обещали остаться надолго. Это хорошая идея! Вам у нас должно понравиться.

Мужчины обменялись рукопожатием. У Димитроса были широкие крепкие ладони крестьянина, привыкшего работать на земле. Он перестал хмуриться, даже заулыбался, но выглядел несколько потерянно, словно какая-то мысль не давала ему покоя.

– Добрый вечер! Мне у вас уже нравится, – улыбнулся Смолев. – А вечер еще только начинается! Чем это так божественно пахнет из кухни?

– О! Это фаршированный барашек на вертеле, – Димитрос перевел матери их диалог.

Та разулыбалась, произнесла: «Патудо, патудо!», снова ласково похлопала Алекса по плечу, сказала что-то Димит-

росу и отошла в сторону кухни.

– Маме надо проверить, все ли в порядке со столом. Давайте-ка я представлю вас постояльцам, ведь впереди целый вечер.

Димитрос по очереди подводил Алекса к гостям виллы и представлял его как почетного гостя, успешного ученого, бизнесмена, – что еще там наплел Виктор встречающей стороне? Ну, берегись, старый приятель! – из далекой заснеженной России, большого патриота Греции (почему бы и нет, Смолев не возражал), желающего осесть где-нибудь на Кикладах.

Гости жали Алексу руку, искренне шумно удивлялись и не менее искренне радовались за него. Алекс нравился гостям. Им, впрочем, нравилось уже всё. Как сказал Димитрос, некоторые провели на террасе целый час, наслаждаясь местным вином, сырами, тимьяновым медом, фруктами и обществом друг друга.

Первой была греческая пара в преклонном возрасте, приехавшая отдохнуть с материка на остров. Когда-то они встретились здесь и полюбили друг друга. Вспоминая свое венчание в красивейшей белоснежной церкви Божьей Матери Филотийской и последовавшую за тем свадьбу пятьдесят пять лет назад, супруги даже прослезились. Гулял весь остров! Сейчас таких свадеб уже не играют, нет, не играют: кризис, да... Да и люди изменились, нет того веселья, радушия. Вот Ирины, хозяйка, одна из немногих, кто понимает толк

в островном гостеприимстве. Говорят, она планирует уезжать. Какая потеря для острова, какая потеря! – сокрушенно качали головами и разводили руками. Куда они будут ездить? Это печально: они так привыкли к этому дому, здесь всегда чттили традиции... Как Георгиос всех подвел, как подвел, а ведь еще совсем молодой, восьмидесяти даже не стукнуло, – жить да жить!..

Димитрос немного утешил их, подарив персональную бутылку ракомело для мужа и китрона для супруги. Греки обнялись и долго хлопали друг друга по спине, старушка снова пустила слезу.

Оставив стариков вспоминать былые дни под рюмочку ракомело, Димитрос подвел Алекса к паре молодых англичан из Борнмута: Лили и Джеймсу Бэрроу, историкам-археологам. Здесь Алекс оживился: он бывал в свое время по делам службы в Борнмуте и соседнем Пуле.

Выпив по бокалу вина с англичанами и искренне похвалив прекрасные крабы и местные устрицы, которыми он наслаждался в Пуле, и отметив великолепные стейки в «Sun Cliff Hotel» в самом Борнмуте, которые он долго не мог забыть, Алекс поинтересовался, что привело чету Бэрроу на остров. Оказалось, что у Джеймса есть целая теория по поводу зарождения цивилизации на Кикладах, он два последних года усиленно обучался дайвингу и готов обнаружить необходимые доказательства своей теории. Уже готовы и маршруты, есть договоренность с владельцем и капитаном

шхуны. Если Алекс будет не против, они будут рады пригласить его в свою компанию.

Алекс выразил свою полную готовность, чем несказанно подбодрил и обрадовал англичан: видимо, в своих способностях дайвера Джеймс не был все же уверен до конца.

Милые люди, обязательно схожу с ними в море, подумал Алекс. У него появилась мысль обойти остров целиком с моря, рассмотреть его как следует, а чета Бэрроу – прекрасная для этого компания.

Затем они подошли к испанской паре. Их Алекс запомнил еще по парому.

– Карлос Мойя, хирург, очень приятно, – представившись, протянул испанец руку Смолеву, и тот невольно отметил силу его рукопожатия: как клещами стиснул! – А это моя жена, Долорес. Вы же видите, недаром она все время грустит, мне никак ее не развеселить.⁷

Жена махнула рукой в ответ на шутку мужа и сердечно поздоровалась с Алексом.

Смолев оценил каламбур испанца и смог, находясь от него вблизи, как следует его рассмотреть. Высокий, ростом выше Алекса, прямой, жилистый, синьор Мойя производил впечатление сильного, волевого и благородного человека. Испанский гранд, окрестил про себя его Алекс. «От Севильи до Гренады», – понимаешь, – «в тихом сумраке ночей... раздаются серенады, раздается звон мечей!». Кружевного жабо

---

⁷ «Долорес» – «скорбь», «печаль» – исп. (прим. автора)

ему не хватает к его седой эспаньолке и клинка работы толедских мастеров – и тогда хоть портрет пиши, в подражание Веласкесу. Типичный герцог Оливарес, одно лицо! И жена ему под стать, благородная синьора. Но почему же столько тоски и печали в ее глазах? Словно что-то мучит ее и жжет изнутри.

Алекс в свое время побывал в Испании, был и в Севилье, и в Гранаде, и в Кордобе, и в Ронде, и много где еще. Испанская культура его завораживала, испанские вина, особенно из провинций Руэда и Риоха, приводили в восхищение.

– Не ваш ли родственник случайно синьор Мендес Мойя? – на вполне приличном кастильском диалекте испанского языка поинтересовался Смолев. – Во время моей последней поездки по Андалусии я имел честь нанести ему визит в его замечательное винное хозяйство в окрестностях Гранады.

– Увы, нет, – оживился испанец. – Но я слышал о нем; его вина достаточно известны среди эко-виноделов. Андалусия – моя любовь! В Ронде я прожил несколько лет...

– Toros!⁸ – вмешалась было его жена, но он резко дернул головой, и она замолчала.

– Да, в Ронде старейшая арена для боя быков, – подхватил было Алекс. – Но я, к сожалению, никогда не был на корриде.

– У вас прекрасный испанский, – польстил Смолеву синьор Мойя, переводя разговор на другую тему. – Полагаю,

---

⁸ «быки, коррида» – исп. (прим. автора)

что у вас была большая практика? Редко встретишь иностранца, который с таким вниманием отнесся бы к культуре другой нации. У меня полное ощущение, что я беседую с соотечественником. Нам будет очень приятно провести с вами эти несколько недель здесь! Будем рады пригласить вас на ужин, обменяться воспоминаниями. Надеюсь, вы расскажете нам о России: мне всегда хотелось знать как можно больше о вашей стране.

Смолев с чувством поклонился, Димитрос в свою очередь крепко пожал руку испанцу, поклонился его супруге, и они отошли.

– Предлагаю наполнить бокалы, – сказал Димитрос. – Только подождите, я принесу бутылочку вина с виноградников, которые... – тут он замялся на пару секунд и продолжил: – Словом, я хорошо знаю этот виноградник. Поверьте, вы оцените это вино!

Сказал и исчез, оставив Смолева одного. Но тот не успел соскучиться: неожиданно к нему присоединились вернувшаяся Катерина и та самая Мария, итальянка с парома.

– Знакомьтесь, это Мария, моя подруга из Италии! – весело представила свою попутчицу подруга Костаса. – А это господин Алекс Смолев, из России, тоже сегодня первый день на острове.

– Какое совпадение! – Мария протянула Алексу тонкую загорелую руку, и он ее осторожно пожал.

– Даже больше, чем вы думаете, – перешел Смолев на ита-

льянский. – Мария, мы приплыли на одном пароме, я хорошо помню лекцию по истории, которую вы сегодня прочли своим друзьям-«балбесам». Так, кажется вы их окрестили? Где они, кстати?

Девушки дружно рассмеялись.

– О, с вами нужно быть начеку, господин Смолефф, – шутливо произнесла Мария, снова перейдя на английский ради Катерины. – Вы все слышите и все подмечаете! Может, вы сыщик? А балбесы на дискотеке, встретились с друзьями, до утра их точно не будет, проснутся где-нибудь на пляже, в лучшем случае – найду их в прибрежной таверне к обеду.

– Удалось ли вам посетить ворота храма Аполлона?

В этот момент появился Димитрос с бутылкой вина и штопором. Катерина представила их с Марией друг другу. По лицу Димитроса было заметно, что появление Марии произвело на него огромное впечатление, которое он тщетно попытался скрыть.

Сын хозяйки открыл бутылку и разлил вино по бокалам, девушкам и Смолеву. Сам не пьет, что с ним? Сорваться боится, подумал Алекс.

Вино, что принес Димитрос, очень сильно отличалось от домашнего вина, разлитого по бокалам на столе. Потрясающее вино, прозрачное, желтовато-соломенное, хорошо сбалансированное, с великолепным букетом. На вкус оно давало совершенно фантастическую гамму фруктов, цветов и меда. Алекс был поражен.

– И это местное вино? – спросил он. – Не может быть! Оно великолепно!

– Да, и как я вам уже сказал, я знаю этот виноградник. Это вино делал мой отец. Это вино стоит в ряду лучших греческих вин, поверьте мне, я знаю в этом толк! – с затаенной гордостью ответил Димитрос.

– Вино прекрасное, Димитрос. Я хотел бы поближе познакомиться с виноградниками острова, пообщаться с виноделами, мне это очень интересно, – высказал Алекс свое пожелание. – Могли бы вы мне в этом помочь, подсказать, направить к нужным людям?

– В любой момент, как пожелаете, Алекс, сочту за удовольствие! – похвала вину расшевелила сына хозяйки, настроение его заметно улучшилось, словно похвалили его самого.

Внимательно наблюдавшему за ним Смолеву показалось, что не только похвала вину, но и присутствие девушек, особенно Марии, положительно повлияло на Димитроса. Былую хмурость грека как рукой сняло.

– Кстати, кто тут обсуждал Портару и в связи с чем? – задал он вопрос.

– Да вот Мария хотела бы завтра на закате сходить к Портаре, но говорит, что ей просто не с кем, а одна в темноте она боится, такая трусиха, – быстро протараторила Катерина и наивно посмотрела на Димитроса широко раскрытыми глазами, едва сдерживая улыбку. – Ты же поможешь Марии?

Она сама стесняется тебя попросить!

Мария смущенно, едва сдерживая смех, незаметно двинула подругу локтем, но та сумела сдержаться и сохранила невинное выражение лица.

Было видно, как Димитрос от неожиданности смутился и растерялся. Покраснев, он промямлил что-то нечленораздельное:

– Да, я, конечно, если только... Но я буду рад, но если... В общем, я – как вы... В смысле, я готов...

– Димитрос, ты блеешь, как барашек, что с тобой? Знаешь, что бывает с барашками на этом острове? Рано или поздно они попадают на вертел! – продолжала озорничать Катерина. – Попрошу-ка я своего Костаса, хоть он и младше тебя, научить тебя ухаживать за девушками!

Димитрос наконец понял, что девчонки над ним смеются, и сам рассмеялся с облегчением. Одного в смущении он не заметил, разливая вино по бокалам, что в какой-то момент глаза Марии смотрели на него с ожиданием и надеждой.

М-да, подумал Смолев, пропал сын хозяйки. Утонул в бездонных глазах итальянки. Села муха на варенье, вот и все стихотворенье. Да и сильно похоже, что взаимно. Что ж, дело молодое!..

В этот момент с лестницы на террасу, медленно ступая, поднялась еще одна пожилая пара. Было видно, что и мужчина, и женщина одинаково в глубоко преклонном возрасте. Одеты они были старомодно, на старушке был какой-то че-

пец и длинное темное платье; мужчина – в темном костюме несколько странного фасона. Они шли, крепко взявшись за руки: создавалось впечатление, что именно так, взявшись за руки, они и прошли всю свою долгую жизнь и оторвать их друг от друга просто невозможно.

Хозяйка подошла к ним, взяла за руки и после короткого разговора на греческом, во время которого старик то и дело кланялся, повела их к удобным креслам, что были предназначены специально для них.

– Кто это? – не выдержал Смолев. – Это греки?

– О, это местная достопримечательность! «Талисман гостиницы», как называл их мой отец. Эта пара проживает на вилле уже около десяти лет. Никто не знает, кто они.

– То есть? – удивился Алекс. – Как это так?

– Вот именно так все и реагируют, – добродушно рассмеялся Димитрос. – Я имею в виду, что никто не знает, кто они на самом деле. А история такая: почти десять лет назад они появились на пороге виллы «Афродита» и о чем-то долго говорили с отцом. Они прекрасно знают греческий и, кажется, множество других языков: французский, немецкий, английский, итальянский, испанский. Уникальная пара! И еще – они оплатили проживание за десять лет вперед! Можете себе представить? Я помню, отец тогда сказал, что нам послал их сам Господь. Это помогло отцу выпутаться из сложных финансовых передряг на тот момент.

За десять лет вперед – это сильно! Не проще ли им бы-

ло купить себе на острове небольшую квартирку, подумал Алекс. Деньги-то сопоставимые. Ничего себе, какая уверенность в своем здоровье в таком возрасте. Я вот не знаю, проживу ли я десять лет. Нет, хотелось бы и больше, конечно. Но, как известно, «человек предполагает...»

– Да кто же они, в конце концов? – не выдержала Мария, с интересом слушавшая весь разговор.

– Эту тайну мой отец унес с собой. Хотя я уже начинаю сомневаться, что и он знал, кто они и откуда. Десять лет назад они представились отцу как чета Файер. Старика зовут Николас, его жену – Перренель. Замечательные старики. Моя мама их очень любит, вечно шепчется с его женой на кухне, пьют кофе. Несмотря на солидный возраст, старики совсем не обременительны для нас. Скажу больше, они никогда не болеют, видимо, со здоровьем у них все в порядке. Я думаю, что они откуда-то из Европы, с материка, решили осесть в Греции. Детей у них нет, из родственников – никого. Кстати, десять лет истекают уже через месяц.

– Мы не подойдем к ним? – спросил Алекс.

– О, это еще одно условие, которое мы неукоснительно соблюдаем, – рассмеялся Димитрос. – они общаются только с теми людьми, кого выбирают сами. Если к ним обращаются посторонние, с кем они не хотели бы общаться, старики сразу и бесповоротно глохнут, на том и заканчивается беседа.

Алекс хотел задать еще какой-то вопрос, но в этот момент под громкие аплодисменты гостей повара внесли огромный

вертел с тушей барашка, установили его на специальные стойки над огромным подносом, куда стекал ароматный сок. Начали его разделявать, выкладывая сочные, ароматные, еще дымящиеся куски мяса на тарелки. Их быстро подхватывали официантки и стремительно разносили гостям.

Димитрос, извинившись, покинул Смолева и девушек и подошел к Ирине, стоявшей у стола с бокалом вина в руке.

Хозяйка начала говорить, Димитрос переводил с греческого на английский. Поприветствовав гостей, Ирины поблагодарила их за то, что они выбрали для отдыха виллу «Афродита» и, пожелав всем прекрасного вечера, пригласила к столу.

Пока гости рассаживались, в углу площадки заняли свои места музыканты в национальных костюмах и зазвучала греческая музыка. Чуть позже появились танцоры, и веселье приняло новый размах.

В номер Алекс вернулся уже глубоко за полночь. Уснул, едва коснувшись подушки щекой.

Часть третья

Жизнь – это очередь за смертью.
Но некоторые лезут без очереди!

Известное выражение

На рассвете Алекс проснулся словно от толчка. Сон под утро оказался беспокойным.

Смолев сел на кровати лицом к открытой балконной двери. Солнце едва показалось над горизонтом спящим диском. Его отражение протянулось по морю яркой полосой, с востока прямо к берегу острова.

Накинув халат, Алекс вышел на балкон и опустился в кресло, наслаждаясь утренней прохладой и свежестью, разлитой в воздухе. С моря доносился шум прибоя. Алекс взглянул на бухту: белые рыбацкие лодки с яркими синими и красными полосами вдоль бортов, одна за другой, возвращались с ночной ловли.

Он закрыл глаза и представил себя местным рыбаком, возвращающимся утром с богатым уловом. Лодку качает на волне то вперед, то назад, то из стороны в сторону. Холодные соленые брызги летят ему в лицо. Старый дизельный двигатель тарыхтит и постукивает, но упрямо толкает лодку вперед; такелаж скрипит; в ногах лежат мокрые разноцветные сети, пахнущие морем, рыбой и водорослями. В пластиковом ящике, что при качке, вздрагивая, ездит по мокрой палубе, лежит ночной улов: несколько сардин, макрель, пара спинорогов, а может, и дорада. Крупная рыбная чешуя везде: на сетях, на его одежде, даже на стареньком, отполированном руками до блеска штурвале...

Алекс открыл глаза и пожал плечами: почему бы и нет? Можно купить и лодку. И выходить в море. Все можно. У него еще есть время всему научиться. У него уйма времени! Ему совершенно некуда спешить. И, осознав это, он радостно рассмеялся. Все-таки ему здесь определенно нравится.

Он встал, чтобы отправиться в душ, и вдруг услышал под балконом приглушенные голоса и тихий смех.

Молодежь возвращается с ночной прогулки, подумал Смолев, и не ошибся. Выглянув с балкона, он обнаружил счастливую парочку в лице Димитроса и Марии, крепко держащихся за руки. Так они все-таки встретили вчера закат у Портары! – порадовался Алекс, молодцы! Сын хозяйки выглядел счастливым, от вчерашней хмурости и скрытой тревоги не осталось и следа.

– Ты увидишь, кара, все так и будет! Все получится, тезоро! – говорил он Марии, мешая английские и итальянские слова в забавную кашу. Та смотрела на него влюбленными глазами и тихо смеялась в ответ. – Я знаю, что делать. И очень скоро мы сможем быть счастливы, вот увидишь! Все будет хорошо, я обещаю. Я тебя не подведу!

Клятва игрока! – усмехнулся Смолев и направился в душ. Завтрак накрыли на малой террасе, в тени под виноградными гроздьями, и пока сама Ирени несла ему ароматный кофе и сырную тарелку, Смолев зачарованно любовался виноградом.

Сердечно поприветствовав хозяйку уже освоенным «Кали мера!», Алекс уселся за угловой столик, ближе к пышным гроздьям. Ирини поставила на стол кофейник и, перехватив его взгляд, улыбнулась и что-то крикнула в сторону кухни.

Пока с кухни шла девушка, Ирини стояла рядом и улыбалась Алексу, пододвигая к нему поближе тарелки с пятью видами сыра, копченым и вяленым мясом, вареньем и джемами, выпечкой, тимьяновым медом, хлопьями, сладкой кашей, омлетом с картофелем и копчеными колбасками. Посреди стола стояли кувшины со свежавыжатыми соками.

Это что, все мой завтрак?! Мне ни за что его не осилить! – подумал с ужасом Алекс. Но сказать об этом радушной хозяйке ему бы и в голову не пришло: не получить бы от нее в свою очередь подзатыльник.

Ирини взяла в руку большие металлические ножницы, что принесла ей кухарка, с неожиданной легкостью встала на один из стульев и срезала крупную виноградную гроздь, затем положила на отдельное блюдо и добавила его к тарелкам на столе. Чуть отошла назад, критически осмотрела стол и щелкнула пальцами в знак одобрения.

В это время на террасе появился Димитрос.

– Слава Богу, это вы, мой друг, – сказал Смолев, не переставая благодарно улыбаться хозяйке виллы. – Спасайте меня, мне не съесть и десятой доли того, что на столе, но я опасаюсь сказать это вашей маме во избежание кровопролития.

– Я бы вам точно не советовал этого делать, – рассмеялся

Димитрос, придвигая стул и садясь рядом со Смолевым. – Особенно, когда у моей мамы в руке острые садовые ножницы. Не переживайте, я составлю вам компанию.

Он что-то сказал матери по-гречески, та ответила, он развел руками, покачал головой и снова произнес несколько фраз успокаивающим тоном, та покачала головой, потом неожиданно потрепала сына по щеке, улыбнулась Смолеву и ушла на кухню.

– Мама переживает за ваш аппетит, – смеясь, сказал он Алексу. – Говорит, что вечером вы почти ничего не ели. Поэтому она и накрыла вам завтрак на четверых. Давайте уже позавтракаем! Кстати, все сыры, что вы видите на тарелке – все местные.

Он переставил тарелку с сырами ближе к Алексу.

– Вот, смотрите, наша гордость: этот твердый сыр мы называем гравьера, попробуйте, он очень хорош с вином, зеленым виноградом и грецкими орехами в тимьяновом меду. Это – ксиномизитра, или кислая мизитра. Она сделана из козьего и овечьего молока, дрожжей и соли. Островитяне очень любят этот сорт. Еще один кислый сыр ксинотиро – традиционная закуска. А этот твердый сыр мы зовем арсенико, он тоже из козьего и овечьего молока. Это старинные традиции нашей земли!

– А что это за копченое или вяленое мясо? – поинтересовался Алекс, пробуя в этот момент на вкус гравьеру. – Потрясающе, совершенный сливочный вкус, это действительно

сокровище.

– Мясо? Это соленая свинина, называется ямбон...

Димитрос хотел добавить что-то еще, но на террасе показались две молодые гречанки. Одной из них была Катерина, вторую Алекс видел впервые. Незнакомая ему девушка в униформе горничной закрывала лицо руками, и было видно, что она сильно расстроена. Лицо грека посуровело, улыбка пропала. Он извинился перед Алексом, встал, подошел к девушкам и задал им какой-то вопрос. Катерина начала что-то ему рассказывать, то и дело указывая рукой на подругу и куда-то в сторону номеров.

Димитрос стоял спиной, но внимательно наблюдавшему за этой сценой Смолеву было видно, как вдруг напряглась его спина и вздулись вены на шее. Мужчина обратился к горничной с вопросом, но в ответ она неожиданно разрыдалась. Димитрос быстро обнял ее за плечи, пододвинул ей стул, усадил на него и подал стакан воды. В этот момент из кухни выбежала хозяйка. Сын бросил что-то отрывистое матери, резко повернулся и ушел с террасы.

Ирини несколько мгновений стояла в растерянности, потом бросилась к Смолеву. Алекс встал навстречу хозяйке. Ирини со слезами на глазах что-то горячо и сбивчиво говорила по-гречески.

– Я все понял, не переживайте, – ответил он по-русски Ирини. – Все будет хорошо, я иду за ним.

Хозяйка беспомощно смотрела на него, пока Катерина

не перевела ей слова Алекса.

Тогда Ирины кивнула, посмотрев на него с надеждой и благодарностью.

– Катерина, пойдите со мной, быстро, покажете куда идти, – скомандовал Смолев. – По дороге все объясните. Это снова Константинос или его секретарь?

– Секретарь, – кивнула Катерина, устремляясь вперед. – Иоаннис Митрас. Он прилетел из Афин сегодня первым рейсом. Привез этому пауку Константиносу какие-то бумаги, которых тот неделю ждал.

– Что за девушка, и что случилось? – на бегу отрывисто задавал вопросы Смолев.

– Артеми, младшая горничная. Митрас уже с самолета приехал навеселе, видимо, всю ночь отмечал. Когда она принесла кофе, – он на нее накинулся, попытался затащить в постель, но она отбилась, выскакивает из номера, а тут – я. Она говорит, что он ее ударил.

– Вы думаете, Димитрос пошел к секретарю или к его хозяину?

– Думаю, к секретарю, он сказал, что оторвет ему его напوماженную башку. Но их номера рядом.

Переговариваясь на ходу, они еще ускорили шаг и выскочили на галерею, где находились номера.

Уже издали было видно, что у синих дверей с металлической табличкой «3» что-то происходит.

Подбегая, Смолев увидел, что Димитрос держит одной ру-

кой за горло какого-то хлыща с помятым лицом, а другой – отталкивает от себя наскაკивающего на него старика с тростью в руке. Хлыщ хрипел и булькал что-то неразборчивое, но зато из уст старика летела нецензурная брань – не нужно было знать языка, чтобы догадаться. Димитрос рычал, как зверь.

– Господи, он его задушит! Он его убьет, остановите его! – закричала Катерина.

В этот момент раздался еще один пронзительный женский крик, Алекс обернулся и увидел Марию, зажавшую рот рукой в страхе и отчаянии, наблюдавшую все происходящее от дверей собственного номера, откуда она, видимо, только что вышла.

Умеют же появляться в нужный момент! – подумал Смолев, уже подскакивая к Димитросу, кладя ему одну руку на плечо, а другой пытаясь ослабить его хватку на горле у несчастного секретаря. Тот уже еле сипел и был синюшно-багрового цвета. Не сломал бы он ему кадык, медведь греческий, снова подумал Алекс. Ох и силушка же у него!

– Отпустите его, мой друг, отпустите этого мерзавца, он этого не заслуживает, – произнес Алекс, запыхавшись, – мы найдем на него управу. Отпустите, вам не нужны неприятности.

Старик Константинос тоже перешел на английский, и надо отдать ему должное, вопил он с отличным принстонским произношением. Смолев, несмотря на всю серьезность ситу-

ации, заслушался. Хорошо артикулирует, мерзавец!

– Немедленно отпусти моего секретаря, подлец! Как ты смеешь! Неприятности? Я устрою тебе такие неприятности, что всю жизнь жалеть будешь! Я тебя засужу, ты отдашь мне все до цента! Идиот! Впрочем, у тебя и так ничего нет, ты – нищий! Я отберу у вас все!

Под мягким нажимом Алекса Димитрос ослабил хватку на горле Иоанниса, и тот, словно пыльный мешок с тряпьем, соскользнул по стенке и упал, хрипя, на пол. Димитрос с перекошенным лицом, тяжело дыша, угрожающе развернулся к дальнему родственнику, который, будучи ниже его на целую голову, продолжал бесноваться, орать и размахивать тростью. Алекс немедленно встал между ними.

– Послушайте, Димитрос, друг мой, – мягко сказал он сыну хозяйки, стоя к нему лицом и положив руку ему на плечо. – Этим их не пронять. Они того не стоят. Подумайте о матери, она сама не своя. Подумайте о Марии, вы ее напугали и расстроили, вон она плачет на галерее у своего номера. Успокойтесь, еще ничего не потеряно! Я обещаю вам заняться этим вопросом.

– А вас, уважаемый сэръ, – холодно и спокойно произнес Алекс, повернувшись вполоборота к старику и с поразительной точностью скопировав его произношение, – я убедительно прошу не размахивать тростью у меня перед лицом! В противном случае мне придется ее сломать о вашу голову!

Видимо, или в серых глазах Смолева, или в брезгливо-хо-

лодном выражении его бледного лица, или в тоне, с которым была произнесена речь, было что-то настолько убедительное, что старик сразу сдулся, но прошипел:

– Я этого так не оставлю, я душеприказчик его покойного отца! Как вы смеете мне угрожать! Сегодня я получил все необходимые документы, чтобы оформить собственность. По этим документам я имею полное право на большую часть всей собственности, а все остальное я выкуплю у них за гроши, у меня приоритетное право выкупа! – И, уже обращаясь к Димитросу, добавил: – Все счета под моим контролем, ни евро, ни единого цента не получишь, подлец! Про свой мерзкий виноградник можешь забыть!

В этот момент Димитрос издал звериный рык, собираясь броситься на старика. Тот завизжал от ужаса, проскочил в дверь соседнего номера с металлической цифрой «2», и было слышно, как задвигается затвор и звучит его тоненький победный смешок. Димитрос обмяк, сел у стены и обхватил голову руками.

– Мария, – позвал Смолев. – Идите сюда, ничего не бойтесь. Поднимите его и уведите отсюда. Лучше из отеля, к морю, на свежий воздух. Вот, правильно, идите, пусть придет в себя. Мы вернемся к этому разговору позже.

– Катерина, – проводив уходящую пару задумчивым взглядом, уже по-русски обратился Алекс к горничной, стоявшей рядом и кусавшей губы, пытаясь сдержать слезы. – Так, не реветь! Это первое! Ничего еще не случилось. Я по-

пробую выяснить, что можно сделать. Второе: немедленно пригласите сюда врача, синьора Карлоса Мойю, он – хирург, насколько я помню. Митрас сейчас точно нуждается в его услугах. Будем надеяться, что все обошлось без переломов и тяжелых увечий. Я дождусь синьора Карлоса, чтобы переговорить с ним и в этом удостовериться. Ну, и третье, пойдите потом наверх, к матушке Ирини, успокойте ее, скажите, что все обошлось, что я держу все под контролем. Затем возвращайтесь сюда, ваша помощь мне может понадобиться. Все поняли? – девушка кивнула. – Отлично! Как говорят у русских: одна нога здесь, другая – там!

Утерев слезы и немного приободрившись, Катерина унеслась выполнять его распоряжения. Смолев осмотрел недавнее поле боя, вздохнул и покачал головой. Вот тебе и спокойствие, и безмятежность. Похоже, его кривая удача начинает снова скалить зубы.

Алекс поднял с пола обмякшее тело секретаря, внес его в номер и положил на диван, потом огляделся. В номере был редкий бардак. По полу катались пустые бутылки, окурки по всей комнате, грязная посуда, разбросанные повсюду вещи, ванна была залита водой, мокрые полотенца валялись на полу. Смолев снова покачал головой. Ну и свинья, похоже, этот Иоаннис Митрас. Свинья, во всех смыслах.

В этот момент раздался стук в дверь, и вошел испанец с небольшим саквояжем. В двух словах Смолев обрисовал ему картину произошедшего. Испанец кивнул и присту-

пил к исполнению профессионального долга: открыл саквояж, достал и надел тонкие медицинские перчатки, померил пульс на шее и на руке пострадавшего, послушал его дыхание; оттянув веки, посветил фонариком в глаза, внимательно ощупал шею. Пожал плечами, достал из саквояжа небольшую пробирку, видимо, с нашатырем и дал понюхать секретарю. Тот дернулся и открыл глаза. Испанец встал, сложил свои инструменты в саквояж, защелкнул его и, не обращая более внимания на Митраса, подошел к Смолеву.

– Ничего страшного не произошло, – сказал он. – Ушибы, синяки. Хрящи не повреждены, кости целы. Сознание он потерял, по-видимому, больше от страха. Мне здесь делать нечего. Этому человеку надо лечить не горло, а совесть. Но здесь я бессилён со всей своей хирургией. Пусть прикладывает лёд, чтобы не распухло горло, будет болеть – пьёт обезболивающее. Я вынужден вас покинуть: мне нужно обойти ещё несколько постояльцев по просьбе хозяйки. Да и ей самой, возможно, потребуется моя помощь.

– Кстати, – уже уходя, доктор повернулся к Алексу и улыбнулся: – Мы собирались поужинать с вами, поговорить об Андалусии. Как вы смотрите насчёт сегодняшнего вечера? Мы с женой вас приглашаем: береговая таверна старого Леонидоса, в восемь часов вечера вас устроит? Знаете, где это?

– Благодарю вас, Карлос! Да, конечно, я знаю. Буду в таверне в восемь вечера, – ответил Алекс с легким поклоном.

Алекс вышел из отеля и направился прогуляться в город: ему необходимо было привести мысли в порядок. По дороге в одном из магазинчиков он купил сим-карту местного провайдера, поставил в телефон и, найдя удобную лавочку в тени огромного старого платана, уселся на нее и набрал номер Виктора Манна.

– Как зовут, говоришь, этого старого козла? – переспросил Виктор. – Константинос Галифианакис? Записал, будем проверять. Хотя шансов мало, что у нас на него что-то есть. А откуда он?

– Да черт его знает, откуда-то с материка, вроде бы двоюродный брат Георгиоса Аманатидиса. Думаю, пробьете. Если он действительно юрист или нотариус, должен же он быть в государственном реестре нотариусов или состоять в адвокатской коллегии.

– Аманатидиса? Это покойный хозяин виллы? Крепкий мужик, что ли, был?

– Почему крепкий? – не понял Алекс.

– Эх ты, лингвист, – весело рассмеялся Виктор. – Учи матчасть! В данном случае – греческий. «Аманатидис» переводится как «жилистый, крепкий».

– Ясно. Не знаю, как отец, а сын его, Димитрос – точно парень крепкий, – ответил Смолев. – И вот что еще, полковник... Меня кольнуло, как этот нотариус по-английски чешет. Принстон из него так и прет. Как будто он там лет двадцать прожил.

– Хм-м-м... А ты не ошибаешься? – сразу стал серьезным полковник. – Ладно, проверим. До связи!

Прогуливаясь по городу, Алекс встретил чету английских археологов. Несколько часов вместе с Лили и Джеймсом Бэрроу они с удовольствием изучали старый город и венецианскую крепость, отдыхали в кафе с прохладительными напитками. Уже ближе к вечеру распрощались в отличном настроении, довольные проведенным днем, прогулкой и компанией друг друга.

Алекс отправился на набережную разыскивать по памяти таверну старого Леонидеса. Время подходило к восьми часам. В пунктуальности испанской пары у него не было ни малейших сомнений.

Таверну он нашел, скорее, по запомнившемуся ему запаху спагетти с омарами – астакомакаронадо, поскольку уже стемнело, и все казалось иначе, чем днем. Везде играла музыка, пели, танцевали, горели огни и факелы, мелькали тени, носились официанты. У входа в таверну традиционно стоял зазывала. Смолев уточнил, туда ли он попал и, убедившись в правильности выбора, зашел в таверну. На часах было без двух минут восемь. Испанская пара уже сидела за столиком. Заметив Алекса, они поднялись, чтобы сердечно его поприветствовать.

Вспоминая позднее этот вечер в греческой таверне, Смолев всегда внутренне улыбался, у него теплело на душе: настолько замечательными людьми оказались синьор Карлос

и синьора Долорес. Умными, обаятельными, блестяще образованными, с тонким чувством юмора. Синьор Мойя был великолепным собеседником, готовым поддержать любую тему, интересную для всех. Сам выбирал темы для разговора, связанные с искусством, поэзией, древней историей, виноделием и кулинарией. А поскольку все эти темы были для Алекса, как глоток свежего воздуха, то и ужин пролетел для него незаметно. Еще он отметил, как нежен и внимателен был синьор Карлос к своей супруге, как ласково он ей улыбался и ухаживал за ней. От взгляда Смолева не укрылось и легкое удивление синьоры Долорес, видимо, давно отвыкшей от подобных знаков внимания со стороны супруга, больше знакомой с его сплином, раздражительностью и дурным настроением. Было видно, что ее Карлос счастлив, он смеялся и шутил, ему было хорошо, а больше ей и ничего не было нужно. Может, и вправду, случится Божье чудо и болезнь отступит? Долорес не знала, что и думать, она просто радовалась, – и вечер удался на славу.

Алекс снова вернулся в комнату далеко за полночь, в отеле была тишина; постояльцы, видимо, все давно спали. Недосып нескольких дней ожидаемо и неизбежно сказался на нем: на следующий день он проспал завтрак, и был разбужен требовательным стуком в дверь номера. Стук не прекращался. Сквозь сон он расслышал за дверью голоса. Как будто стучали уже в две руки!

Накинув халат и распахнув дверь, он увидел зареванную

Катерину, немного смущенного полноватого грека в костюме и при галстукe, с большой кожаной папкой в руке, двух полицейских в форме, – и сразу понял, что стряслось какое-то несчастье.

– Катя, милая, что случилось? – спросил он растерянно, усилием воли прогоняя остатки сна. – И почему ты снова плачешь?

– Беда у нас! Константиноса убили, – сквозь слезы ответила девушка. И, резко мотнув головой, добавила: – Да наплевать на него, на мерзкого паука! Плачу я не из-за него, будь он трижды проклят! Это инспектор Антонидис. Он хочет с вами поговорить.

Смолев раскланялся с инспектором и пригласил его в номер. Катерина зашла следом, теребя и комкая в руках мокрый от слез платок.

– Алекс, они арестовали Димитроса. Секретарь пришел в себя и дал на него показания. И еще, – полиция говорит, что старика зарезали в номере ножом для бумаг. У всех взяли отпечатки – и с ножа тоже. В общем, там отпечатки Димитроса. Его сразу арестовали и увезли в участок. Мария тоже уехала в участок, она сказала, что будет добиваться свидания. Матушка Ирени слегла с сердцем. Этот мерзкий хлыщ Митрас сидит на террасе с победной рожей и пьет ракомело. Мы не знаем, что делать! Спасите нас! – причитала горничная.

Инспектор нетерпеливо покашлял в кулак и спроси-

тельно посмотрел на Смолева. Тот проснулся окончательно и принял для себя важное решение.

– Здравствуйте, инспектор! С сегодняшнего утра я представляю интересы Димитроса Аманатидиса!

Часть четвертая

Всё, что скрыто теперь, раскроет некогда время.

Квинт Гораций

Инспектор Теодорос Антонидис страдал и томился. Он был на Наксосе человеком новым. Чужаком. Никак себя не проявившим за те двадцать месяцев, что провел на острове в должности начальника уголовной полиции. «Да и как себя тут проявить?» – тоскливо вздыхал он, когда грустные мысли приходили ему в голову по поводу загубленной, как он считал, карьеры детектива. Весь остров – восемнадцать тысяч жителей, половина – старики-пенсионеры. Ни одного громкого дела почти за два года.

Все, что оставлял ему расследовать на месте находящийся в Афинах глава департамента полиции Министерства внутренних дел, – в лучшем случае, пьяные потасовки туристов да пропажу очередного скутера. Порядок в порту и надзор над прибывающими яхтсменами обеспечивала портовая полиция, к нему она касательства не имела. Сам инспектор да два сержанта из местных греков – вот и весь отдел уголовных расследований Наксоса. Ни приличной лаборатории, ни толкового эксперта. Хорошо хоть патологоанатом в местном госпитале безотказный, всегда готов помочь.

Когда он выходил с очередным предложением к афинскому начальству об организации лаборатории криминали-

стической экспертизы – те разводили руками и жаловались на отсутствие фондов в тяжелые кризисные времена. А когда происходило убийство, хоть и редко, за двадцать месяцев их было всего два: один из местных пырнул другого ножом в живот из-за давней вражды по поводу земельного участка, да жена отправила на тот свет своего излишне ревнивого супруга, отчаявшись добиться от него развода на приемлемых условиях, – так вот, когда убийство все-таки случилось, и он, инспектор уголовной полиции Теодорос Антонидис, продемонстрировал свою полную готовность раскрыть его самостоятельно, расследование уплывало на материк, вместе с уликами, материалами дела и подозреваемыми.

«Ну, ты же сам понимаешь, старик, – говорили ему в министерстве, – Что ты сможешь сделать: у тебя ведь даже лаборатории нет!»

Вместе с расследованием на материк уплывала и слава детектива, о которой он мечтал столько лет, еще совсем юным курсантом полицейской школы, а потом и слушателем Греческой Академии полиции.

Инспектор Теодорос Антонидис тосковал.

Он тосковал по настоящему делу, по кровавому преступлению. Иногда ему снились сны, как на острове происходит череда самых настоящих загадочных убийств – и он, а не кто-нибудь, блестяще раскрывает их все до единого. И сам генерал-лейтенант полиции Элефтэрайос Икономоу, нет, даже сам министр гражданской обороны Михалис Хризоидис,

(иногда в разных снах они менялись) вручали ему заслуженную награду. Вот какую именно, он никак не мог понять, поскольку в этот момент он, по обыкновению, просыпался, но долго еще лежал в постели, блаженно улыбаясь, упершись невидящим взглядом в потолок. В эти дни он, как правило, бывал веселее и энергичнее, чем обычно.

В другое же время островная хандра, как он ее окрестил, брала свое: инспектор становился хмур, замкнут, неразговорчив и проводил вечера в полюбившейся ему таверне для туристов за бокалом пива «Amstel», к которому он предпочитал жареный сыр с тцатцики.

Местные с недоверием и отчуждением косились на инспектора, обзавестись друзьями ему так и не удалось. Не считать же всерьез за друзей барменов, которым он порой, после пятого или шестого бокала пенного, горько жаловался на судьбу. С личной жизнью у него тоже не складывалось: жена за ним не поехала, через год прислала документы на развод; детей у них не было. Местные красавицы не привечали бедолагу, да и сам он сильно комплексовал: толстоват, лысоват, никак не мог акклиматизироваться к местному влажному климату, постоянно потел, поэтому носил с собой дюжину платков, которыми утирал вечно градом катившийся со лба и шеи пот. Какой из него ловелас... Смех один!

Вчера он допоздна засиделся в таверне, поэтому во рту было сухо, голова потрескивала, пот заливал лицо, но инспектор стоически терпел. Ведь наконец ему выпал шанс,

и он его теперь ни за что не упустит!

Решение арестовать Димитроса пришло к нему как очевидный вывод после анализа отпечатков пальцев, который он провел лично сам, потратив на это полтора часа, дотошно сравнивая отпечатки пальцев персонала гостиницы с отпечатками на оружии убийства. Простейшая дедукция, а какой блестящий результат!

Слава богу, что отпечатки пальцев на ноже были так быстро идентифицированы, и ему не пришлось беспокоить постояльцев отеля, – любви со стороны местных ему бы это точно не добавило. Но и тут инспектору повезло! Осталось только составить правильный рапорт и направить в Афины. И ждать, наконец, заслуженной похвалы от начальства. И преступление раскрыл по горячим следам, и преступника оперативно задержал! Хотя, к слову, куда бы он делся... С острова-то!

Для составления рапорта необходимо (теперь-то уж пустая формальность – пожал он плечами) провести опрос свидетелей вчерашнего инцидента. Секретарь убитого уже был им опрошен, личность пренеприятная, конечно, но информация, полученная от него, пролила свет на мотивы, которые двигали подозреваемым: шутка ли – лишиться наследства по завещанию и остаться ни с чем! И все в результате конфликта с отцом незадолго до его смерти. Убивают и за меньшее. Горничная Катерина тоже дала свои показания, рассказав о роли нового постояльца, этого русского, что приехал

на днях. Кто знает, не вмешайся он, как рассказали инспектору, накануне в безобразную сцену, что устроил подозреваемый, – убийство могло произойти и раньше.

Зайдя в номер к русскому, полицейский терпеливо ждал, пока горничная закончит что-то говорить на их непривычно звучащем для греческого уха языке, полном свистящих и шипящих звуков, – не так много русских туристов на острове встречал инспектор, а общался – и того меньше. Потом все-таки он вежливо покашлял в кулак и выжидающе посмотрел на постояльца.

Кстати сказать, русский ему понравился. Полная противоположность ему самому. Подтянутый, спортивный, лицо не отекшее, хоть и бледное, с небольшим косым шрамом у виска, словно кто-то махнул наискось острой бритвой у него перед глазами и промахнулся, а шрам остался на всю жизнь.

Когда русский взглянул инспектору в глаза прямым взглядом, взглянул доброжелательно и уверенно, несмотря на плохие новости, Теодорос почувствовал некоторое беспокойство, хотя и не было для этого никаких видимых причин. Слишком спокоен и уверен в себе, подумал он. И почему-то инспектору захотелось узнать прямо сейчас, а что же случилось с тем, кто оставил русскому этот шрам, махнул этой самой бритвой. Инспектор едва сдержался. Ничего хорошего с ним не случилось, почему-то понял он сразу.

– Доброе утро, инспектор! – поздоровался постоялец. –

Мое имя Алекс Смолев. С сегодняшнего утра я представляю интересы Димитроса Аманатидиса.

– Доброе утро! Теодорос Антонидис, инспектор криминальной полиции острова, – представился полицейский на вполне неплохом английском, утираясь платком. – Хорошо, если дела обстоят так, вы не против, если мы выйдем на свежий воздух, где мы могли бы с вами побеседовать?

– Безусловно, инспектор! Если вы дадите мне на сборы десять минут, то я буду в полном вашем распоряжении, – ответил Алекс.

– Прекрасно, тогда я жду вас на нижней террасе, – сказал инспектор и хотел добавить, что там тень погуще, но постеснялся. У него есть время, чтобы выпить что-нибудь прохладительное и отдышаться.

Алекс немедленно связался с Виктором Манном и обрисовал ему обстановку в общих чертах, сообщил об аресте Димитроса, ноже, отпечатках. Назвал фамилию инспектора.

– Послушай, я не верю, что этот парень его убил. Вся моя интуиция против!

– Интуиция, – проворчал Виктор. – Ни черта она не стоит, твоя интуиция, против отпечатков пальцев на оружии убийства вкупе с мотивом и возможностью совершить преступление.

– Что будет парню? – поинтересовался Алекс.

– Если докажут в суде, что виноват, а тут все доказательства, на первый взгляд, присутствуют, то – умышленное

убийство. А с этим здесь строго, высшей меры нет, но пожизненное могут впаять. Минимум лет пятнадцать точно. Скорее всего, что его на днях с острова увезут на материк вместе со всеми уликами. А на материке никто разбираться не будет, кому он тут нужен! Я за эти двадцать лет, знаешь, братьев-греков хорошо изучил. Никто тоже лишний раз не почесется. Как из дома не уезжал!

– Я верю в его невиновность, – настаивал Алекс. – Как я могу ему помочь? Деньги у меня есть, что можно сделать? Адвокатов нанять? Детективов? Я и сам готов провести расследование, мне нужны лишь полномочия. Можешь помочь?

– Ну, вот что, – поразмыслив несколько секунд, ответил полковник. – Я свяжусь с начальством этого инспектора, выясню все. Попробуем дать тебе полномочия от лица Интерпола на проведение альтернативного расследования. Тем более что по этому убитому у нас, похоже, кое-что всплывает. Стали копать его прошлое – просто «пещера Али-бабы»... По телефону не могу, – опередил он вопрос Алекса. Думаю сам к тебе приехать через неделю. Да и кто бы он ни был, убийство – есть убийство. Но дольше мы не сможем затянуть отправку на материк. Ты понял меня? Неделя у тебя есть. Либо ты найдешь убийцу, – либо парень пропал. Все необходимые документы от Интерпола с согласованием от уголовной полиции получишь сегодня. Как следствие вести, мне тебя учить не надо, надеюсь? Ну и славно. Не благодари. Все, отбой!

Когда Алекс вышел на террасу, инспектор Антонидис вел там беседу с хозяйкой отеля. На матушку Ирины было тяжело смотреть. Она сидела с низко опущенной головой, безучастно уставившись в пол, безвольно уронив натруженные руки на черный передник, и механически отвечала на вопросы, которые задавал инспектор, касающиеся наследства старого Георгиоса, бумаг, банковских счетов. Разговор с хозяйкой не клеился, и инспектор, задав для проформы еще несколько вопросов, отпустил бедную женщину. Горничная Артеми помогла ей встать со стула, обняла и повела на хозяйскую половину. Ирины шла неверным, шаркающим шагом. У Смолева защемило сердце.

– Послушайте, инспектор! – обратился он к Антонидису, энергично орудовавшему платком. – Давайте сразу проясним ситуацию. Я сторонник открытого диалога с местной полицией и не хотел бы вас ни в коей мере ни вводить в заблуждение, ни посягать на ваши полномочия.

– Это очень хорошо, господин Смолефф, – заметил, отдуваясь, полицейский инспектор. – Это самая верная политика для вас в вашем положении, коль скоро вы вызвались представлять интересы подозреваемого. Что именно вы хотите мне сообщить?

– Я хотел бы вас проинформировать, дорогой инспектор, что не позднее сегодняшнего вечера вы получите из Афин от своего руководства официальное письмо, в котором будет сказано, что я, Александр Владимирович Смолев, рос-

сийский подданный, с сегодняшнего дня провожу альтернативное расследование преступления от лица Интерпола, и вы должны оказывать мне в этом полное содействие, включая предоставление мне полного доступа к материалам дела, уликам, результатам экспертиз, а также возможности неограниченного общения со свидетелями и обвиняемым. Возможно, что письмо уже ждет вас в участке. Я очень надеюсь, что мы с вами сработаемся, – нежно улыбнулся Алекс в совершенно ошеломленное лицо Антонидиса. Тот от удивления, казалось, даже потеть перестал.

– Но зачем альтернативное... Почему? Ведь я, как мне казалось, уже... – промямлил несчастный инспектор.

– Простите, инспектор, но я не верю в то, что убийство совершил Димитрос. И постараюсь это доказать. Ведь мы хотим с вами найти настоящего убийцу, не так ли? Поверьте, я на лавры не претендую. Думаю, что моя скромная помощь пригодится уголовной полиции Наксоса. В любом случае, – подсластил он пилюлю, – основное расследование ведете вы, а я лишь вам помогаю. А сейчас извините меня, мне крайне необходимо переговорить с хозяйкой виллы. Всего доброго!

Смолев взбежал вверх по ступеням и направился на хозяйскую половину. Резко остановился, хлопнув себя по лбу. Как он будет, не зная греческого, общаться с Ирини? Срочно нужен переводчик с греческого! Срочно! – задумавшись, он произнес эти слова вслух.

– Может, я смогу быть вам полезен, юноша? – раздался

мужской глубокий и низкий голос за его спиной. Русский!

Обернувшись, Смолев увидел ту самую таинственную пару стариков, про которую рассказывал Димитрос.

– Вы говорите по-русски? – удивился Алекс. На «юношу» удивления уже не хватило.

– Разумеется, мой дорогой мальчик, – улыбнулся старик; от улыбки на его красном, загорелом лице разбежались весело морщинки, а ярко-синие глаза смотрели на Алекса доброжелательно и испытующе. – Как нам с Перренель не говорить по-русски, когда мы в свое время прожили в Санкт-Петербурге почти пятнадцать лет!

Старик протянул Алексу руку. Старушка кивала в такт словам мужа и, улыбаясь, смотрела на Алекса из-под какого-то старомодного капота. Алекс осторожно пожал руку старику. Осторожничал он напрасно: рукопожатие того было крепким и уверенным. На загорелой коже его руки он успел заметить темные пятна, будто последствие какой-то кожной болезни или следы от химических реактивов.

– Меня зовут Николас. Или Николай Францевич, как вам удобнее. Так вышло, что наш номер прямо над нижней террасой, и мы слышали ваш разговор с господином инспектором полиции. К сожалению, господин Теодорос Антонидис глуп, ленив и беспомощен. Нас с Перренель это не устраивает. Как вы, наверняка, уже в курсе, – мягко улыбнулся он, – мы долгожители этой чудесной гостиницы. «Талисман» виллы «Афродита», как нас называл несчастный Георгиос.

А ведь я предупредждал его в свое время, но он меня не послушал...

– Николас, милый, не отвлекайся, – подала голос его жена, чей голос тоже оказался глубоким и мелодичным.

– Да, да, конечно, ты права, дорогая! – улыбнувшись супруге, продолжил этот странный старик. – Так вот, мы хотим, чтобы вы нашли настоящего убийцу. Мы хотим, чтобы Димитрос был оправдан. Мы знаем мальчика много лет, он не способен на убийство. Мы хотим дожить еще месяц до десятилетнего срока со спокойной душой, зная, что вилла в надежных руках. Наше предложение таково: вы будете руководить здесь всем. Все расходы по содержанию виллы, кухни и ресторана, оплате работников мы берем на себя с Перренель. Мы хотим помочь Ирине. Ее счета заблокированы этим старым негодяем. Но гостиница не может ждать. Это малая толика за всю ее доброту, внимание и заботу в течение десяти лет. Вы становитесь управляющим виллой на этот период, пока не будет раскрыто убийство, поскольку Ирина больна. Ну а мы все будем вам помогать. Согласны?

– Соглашайтесь, соглашайтесь, Алекс! – внезапно раздался радостный голос Катерины за его спиной.

От радости не в силах сдержаться эта егоза подпрыгивала на месте и хлопала в ладоши.

Да что же они сегодня все подкрадываются ко мне? – подумал Алекс.

– «Молчание – знак согласия», не так ли говорят у рус-

ских, мой мальчик? – снова улыбнулся Николас и весело подмигнул Алексу ярко-синим глазом.

Удивительные все-таки люди. Смолев улыбнулся в ответ. А что ему оставалось? Только согласиться.

– Ну и отлично, мы сами все расскажем Ирине, а вы пока займитесь вашими делами!

Старики ушли. Смолев в задумчивости смотрел им вслед. Николай Францевич говорил по-русски очень правильно и чисто. Алекс долго не мог понять, что же было не так. Потом он понял. Так правильно и чисто по-русски давно уже не говорят. Кто же они такие?..

Придя в себя, он рассказал Катерине в общих чертах, что намеревается делать.

– Надеюсь, – произнес Алекс, – управление отелем не отнимет у меня слишком много времени.

– Совсем не отнимет, – рассмеялась Катерина. – Здесь все знают, что им делать. Ну и обрадуются же они! С чего начнем, босс?

– Мне нужно переговорить с персоналом, с которым общался убитый. Ты говорила, что у него был конфликт с садовником и кухаркой? Давай с них и начнем. Где Мария, что с ней? Мне крайне важно с ней побеседовать. С Димитросом, надеюсь, мы будем общаться уже завтра: вряд ли сегодня, пока не пришли бумаги, нас допустят к нему. А сейчас не будем терять время и пройдем к садовнику, – ты мне поможешь с переводом.

Садовника звали Христос. Как рассказала по дороге Катерина, Христос почти сорок лет работал на семью Аманатидис, будучи старым другом Георгиоса. Большую часть этого срока Христос провел на фермах и виноградниках семьи, расположенных в зеленых долинах и на горных склонах Наксоса. Семья с его помощью выращивала прекрасный картофель, апельсины, лимоны, оливки и томаты. Он и агроном, и виноградарь, и винодел. Благодаря ему Аманатидисы не нуждались ни в овощах и фруктах, ни в оливковом масле и вине. Виноград – его страсть: даже когда виноградники были проданы, Христос стал ухаживать за старой лозой здесь, на террасах виллы, и она дала чудесный урожай в этом году, это просто чудо! После смерти Георгиоса старик стал совсем нелюдимым, с чужими никогда не разговаривает. Говорят, они с Георгиосом вместе служили в армии, старый хозяин любил про это вспоминать.

За разговором Смолев и Катерина быстро прошли через галерею, спустились до нижней террасы, пересекли двор и остановились у дверей небольшого отдельного строения.

Катерина постучала в дверь. Ответа не последовало. Постучали еще. Тоже ничего. Только они развернулись, чтобы уходить, как столкнулись нос к носу со старым коренастым греком в грязном джинсовом комбинезоне, надетом на голое тело, в старой соломенной шляпе и с сигаркой едкого табака во рту. На руках его были матерчатые перчатки, грязные от присохшей к ним земли. Он держал небольшие грабли,

лопату и лейку.

Катерина выступила вперед:

– Дядюшка Христос, доброго дня! А мы к вам за помощью. Вы знаете, что Димитроса арестовали?

Старик кивнул молча, продолжая курить сигарку и исподлобья рассматривать Смолева.

– Это Алекс Смолев, он временно управляет виллой вместо Димитроса. Он считает, что Димитрос невиновен в убийстве.

– Да? – разлепил сухие губы садовник. – И с чего бы это ему так считать?

Катерина оглянулась на Алекса, переведя ему слова садовника. Смолев решительно шагнул вперед.

– Я считаю, что Димитрос не убивал. Я не вижу для этого причин.

– Слепота еще никого не доводила до добра, – пожал плечами старик, выплюнул свою сигарку под ноги Смолеву, развернулся и понес инвентарь в соседний сарайчик. Видимо, на сегодня его труды были окончены.

Алекс дождался, пока старик вернется – прошло добрых пять минут, и, как ни в чем не бывало, продолжил разговор.

– А вы считаете, что это Димитрос убил Константиноса Галифианакиса? Почему и за что?

– Я не знаю, кто ты и откуда, парень. Но я так тебе скажу. У нас, у греков, принято, что молодые встают на место стариков. Так было всегда, во все войны, когда Греция боролась

за независимость. Греки больше всего на свете всегда ценили свободу. И убить гадюку, посягнувшую на свободу, – это не грех. Во всяком случае, для меня. А я – старый крестьянин. Я убил много гадюк. Я хорошо умею это делать.

Мужчины уселись на скамейку, Катерина встала у Смолева за плечом. Старик Христос долго сворачивал новую сигарку кривыми узловатыми пальцами, потом прикуривал ее и, наконец, затянулся, искоса наблюдая за Алексом из-под своей соломенной шляпы. Алекс ждал, ни словом, ни жестом не выказывая своего нетерпения.

– Так вот, парень, эту гадюку Галифианакиса давно пора было убить, еще десять лет назад, когда он появился на пороге этого дома и стал вымогать деньги у Георгиоса.

– Вымогать деньги? – поразился Алекс. – За что? Вы хотите сказать, что он шантажировал хозяина? Но чем?

– Мы вместе служили с Георгиосом в свое время. Это было очень давно, больше сорока лет назад. Мы служили в десантных войсках. Нас учили убивать людей, – да, парень! Вот так. – Он показал Алексу свои крепкие, натруженные руки. – Вот так, парень, голыми руками. И во время путча черных полковников нас – двенадцать человек – высадили в одну бухту. У нас был приказ, парень. Мы убили там всех. Стрелять было нельзя. Мы убили их голыми руками. Мужчин, женщин, подростков. Всех, кто не подчинился новой власти. Больше сорока человек. Георгиос командовал нами. Он был хороший командир. Мы все верили ему, парень! И у нас был

приказ. Мы убили всех. Но мы их похоронили, хоть нам сказали сбросить тела в море и отступить. Георгиос не мог этого сделать: он христианин, как и я. Мы выкопали могилу, всех похоронили и прочли молитву. С того самого момента я уже сорок лет пачкаю руки в земле. Надеюсь, что кровь с них отойдет. Потому что у нас у всех руки тогда были по локоть в крови, вот так-то, парень! Я работаю на земле и молюсь... Что еще осталось старику?

Катерина уже давно всхлипывала, но продолжала исправно переводить. Алекс сидел окаменев, вспоминая слова испанца, сказанные на пароме: «На этих островах пролиты реки, реки крови!».

Старый грек долго молчал, глядя перед собой. Цigarка его потухла, он смял ее и стал сворачивать новую.

– А десять лет назад здесь появился Галифианакис. Сорок лет назад он был у хунты кем-то вроде юриста. Говорят, что готовил смертные приговоры на подпись, составлял списки... Потом прихватил архив после того, как хунту свергли. Он заявил Георгиосу, что все знает про ту бухту. И что тела убитых нами безвинных людей все еще в той могиле. Он пригрозил, что заявит новым властям на Георгиоса как на карателя и убийцу, – и потребовал денег за молчание. Георгиос как-то откупился. Месяца четыре назад этот мерзавец снова приезжал, требовал очередной выкуп. Пришлось продать виноградники и ферму. Как он оказался душеприказчиком по завещанию и наложил лапу на все счета семьи,

я не знаю. Георгиос его ненавидел, но ничего не мог поделать. Я много лет сам хотел его убить, парень. Не смотри, что я старей. Я часами работаю на земле, еще могу в одиночку срубить и распилить на дрова старую оливу. Я убил бы его голыми руками, они еще очень крепкие. Но все не было случая. Я так скажу: гадюке – гадючья смерть!

– Но почему вы считаете, что убил Димитрос? – уточнил Смолев.

– Кому еще был нужен этот подонок? – искренне удивился старик. – Наверно, Ирины рассказала сыну всю правду. Убил – и правильно сделал! Раздавил гадину. Прощай, парень. Больше нам говорить не о чем.

Садовник встал, открыл дверь своего жилища и медленно, но плотно прикрыл ее за собой.

– Час от часу не легче! – сказал Смолев, оглянувшись на помощницу. – Катерина, утираем слезы! Разговор с кухаркой уже не актуален. Многое начинает проясняться. Нам срочно нужно пообщаться с Марией по поводу одного утреннего разговора, который я случайно услышал.

Часть пятая

Холмс пожал плечами:

– Пожалуй, я действительно приношу кое-какую пользу.

«L’homme c’est rien – l’oeuvre c’est tout⁹ – как выразился Гюстав Флобер в письме к Жорж Санд
Артур Конан Дойль, «Союз рыжих»

Как и обещал полковник Манн, все официальные документы о полномочиях Смолева на альтернативное расследование от лица Интерпола поступили в полицейское управление Наксоса незадолго до конца рабочего дня. Смолев назначался «специальным агентом Интерпола» до момента, пока эти полномочия не будут у него отозваны особым распоряжением.

Поскольку в сопроводительном письме на имя инспектора уголовной полиции стояло указание: «немедленно связаться с А. Смолевым, проинформировать и обеспечить всемерную поддержку проведению расследования Интерпола всеми силами и средствами вверенного вам подразделения уголовной полиции», инспектор Теодорос Антонидис под благовидным предлогом выставил из отделения двух своих помощников-сержантов (не хватало еще видеть, как они скалят зубы) и набрал номер виллы «Афродита».

---

⁹ «Человек – ничто, дело – все!» – фр. (прим. автора)

Он попросил Смолева к телефону и потухшим голосом «проинформировал» его и выразил свою готовность «обеспечить всемерную поддержку».

Вопреки ожиданию инспектора, на том конце провода не прозвучало ни злорадства, ни ерничества в его адрес: тон русского, говорившего на отличном английском языке, был спокоен и доброжелателен по-прежнему. Смолев поблагодарил его за звонок и за оперативность, выразил готовность «действовать в полном соответствии с полученными указаниями, координируя свои шаги с уголовной полицией в лице многоуважаемого инспектора».

Мгновенно приободрившись, инспектор Антонидис поинтересовался, какими видит господин Смолев эти первые совместные шаги по проведению расследования.

– Я полагаю, что мне необходимо прежде всего ознакомиться с уликами и свидетельскими показаниями, фигурирующими в деле. Мне понадобится отчет патологоанатома о вскрытии, – продолжил Алекс после минутного размышления. – Также необходимо провести допрос обвиняемого, чтобы прояснить некоторые моменты, что стали мне сегодня известны. Разумеется, вся полученная мной сегодня информация по делу будет передана вам, инспектор, и, надеюсь, официально приобщена к материалам дела. Я был бы рад, если уже завтра, с самого утра, мы смогли бы приступить к совместной работе.

– Прекрасно, – пожав плечами, произнес инспектор. – То-

гда жду вас завтра в офисе уголовной полиции. В восемь утра вас устроит?

– Более чем! В восемь утра я буду у вас! Благодарю вас, инспектор! – сказал Алекс, положил трубку и повернулся к Марии, сидевшей на стуле рядом со стойкой ресепшн.

Катерина и Костас, получив печальные новости, безуспешно пытались ее растормошить. Мария то тихо плакала, то безучастно смотрела в пространство перед собой, изредка отвечая грустными улыбками на усилия друзей. И куда делась та боевая девчонка, которую Алекс впервые увидел на пароме? На стуле сидела ее бледная тень. За эти два дня она словно похудела и осунулась, под глазами – темные круги.

– Ну вот что, Мария, послушайте меня, – обратился он к итальянке, мягко положив ей руку на плечо. Девушка подняла на него мокрые, опухшие от слез глаза. – Я только что разговаривал с начальником местной полиции. Я забираю следствие по делу Димитроса в свои руки. Что из этого следует? Первое: уже завтра мы с вами будем общаться с Димитросом. Я вам обещаю организовать свидание с ним! Второе, более того, надеюсь, что нам удастся изменить ему меру пресечения с содержания под стражей на домашний арест, и здесь, на вилле, вы сможете быть вместе. И, наконец, третье: я ни на минуту не сомневаюсь в том, что Димитрос невиновен! У меня профессиональная интуиция, она ни разу меня еще не подводила. Мы докажем, что он невиновен!

Услышав его слова, Костас и Катерина завопили от радости и стали скакать, взявшись за руки, как полоумные, выкрикивая: «Ур-р-р-а! Да здравствует Алекс! Свободу Димитросу Аманатидису! Ур-р-р-а!» Мария неожиданно обняла Алекса и разрыдалась.

– Ну, ну, девочка, ну, что ты, все будет хорошо, – растерянно произнес Алекс, осторожно поглаживая ее по вздрагивающей спине. – Да тише вы, бандерлоги! – беззлобно шикнул он на буйную парочку.

Смолев снова усадил Марию на стул, принес ей воды из кулера и подождал, пока она выпьет весь стакан. Костас и Катерина продолжали скакать и махать руками, но открывали рты беззвучно, как рыбы. Вот уж точно говорят: «два сапога – пара»!

– Мне нужна твоя помощь. Ты должна перестать плакать, успокоиться и помочь мне вытащить нашего друга, – произнес Алекс спокойно, испытующе глядя итальянке прямо в глаза. – Для этого ты должна ответить на мои вопросы. Только честно и ничего не скрывая!

– Да, конечно, – шмыгая носом и утирая платком глаза, сказала Мария. – Спрашивайте.

– Умница. Скажи мне, вчера утром я случайно, выйдя на балкон, стал свидетелем вашего с Димитросом разговора.

Мария отчаянно покраснела, бросив взгляд на Катерину и Костаса, но ответила:

– Да, мы гуляли всю ночь по пляжу и разговаривали, вер-

нулись на виллу уже под утро.

– Так он все-таки сводил тебя к Портаре встретить закат? – ахнула Катерина и весело рассмеялась. – А каким прикинулся барашком!

– Катерина, – по-русски сказал Алекс, вполоборота повернувшись к веселой парочке. – Выгоню! Я твой управляющий. Бойся меня! Со мной шутки плохи!

– Молчу, молчу, босс! – тоже по-русски ответила ему Катерина, зажав обеими ладонями рот и комично вытаращив глаза.

– Мария, я слышал, как Димитрос говорил буквально следующее: «Я знаю, что с этим делать, скоро все получится, и мы сможем быть счастливы!». Что именно он имел в виду, о чем вы говорили? – Алекс снова перешел на английский.

– Он имел в виду виноградники. Виноградники семьи Аманатидисов. Он... он... – смущаясь и запинаясь произнесла она. – Он сказал, что любит меня и хочет на мне жениться, и сможет это сделать, как только выкупит обратно фамильные виноградники с фермой, чтобы мы смогли жить там вместе.

Костас с Катериной издали очередной вопль восторга и пустились в пляс. Черти полосатые! Смолев вздохнул и перешел на родной для Марии итальянский.

– Прекрасно, поздравляю, я тоже рад за вас с Димитросом, как и эти балбесы, но прежде, чем мы спляшем на вашей свадьбе, нам надо разобраться во всем. У кого он соби-

рался выкупить виноградники и где собирался взять на это деньги? Говорил ли он о каких-то суммах? Мария, пожалуйста, как можно точнее вспомните ваш разговор.

– Виноградники были проданы четыре месяца назад одной местной винодельне, но, как сказал Димитрос, сейчас она сама на грани банкротства. Он недавно ездил общаться с семьей Спанидис, которая управляет винодельней. Они готовы вернуть виноградники семье Аманатидисов за те же деньги, что заплатили за них при покупке. Димитрос сказал, что у виноделов острова – особое братство, они всегда друг другу помогают и никогда не наживаются друг на друге. Более того, старый Спанидис когда-то служил под командованием отца Димитроса. И в память о нем даже готов был разбить платеж на части. Димитрос считал, что пятьдесят тысяч евро в качестве первого платежа будет достаточно, чтобы вернуть себе виноградники и ферму, а на вторую часть он планировал взять кредит в банке.

– Не лучшая идея насчет банка, – произнес задумчиво Алекс, думая о другом.

Значит, Спанидис тоже служил вместе с Георгиосом, и, возможно, участвовал в той бойне. Вот уже трое из двенадцати. А что если кто-то из взвода бывших десантников узнал о ситуации, в которой оказалась семья их бывшего командира, и решил вопрос по-своему? Все они, конечно, уже старики, но, опыт, что называется, «не пропьешь»! Да и много ли надо было этому мозгляку? Надо изучить заключение

патологоанатома, понять, как был нанесен удар и с какой силой. О сослуживцах мужа, наверняка, больше всего знает Ирины, но пока мы не будем ее тревожить, переговорим с Димитросом.

– Я знаю, с банком шутки плохи. Мой отец никогда не связывается с банками у нас в Италии, хотя у него огромное хозяйство в Тоскане, он тоже делает вино. Думаю, если бы мы поженились, мой отец помог бы выплатить вторую часть долга.

– Хорошо. А где все-таки Димитрос собирался взять деньги на первый взнос?

– Он сказал, что на счетах семьи денег достаточно, главное – необходимо получить к ним доступ! Он собирался переговорить с Константиносом, который был назначен душеприказчиком и договориться, как он говорил, о «справедливом дележе». Он считал, что сможет убедить того пойти на его условия.

Ну да, подумал Алекс. Судя по вчерашним воплям Константиноса во время драки, он с ним действительно переговорил. Что там кричал этот старый мерзавец? «Никакого чертового виноградника ты не увидишь, ни одного евро не получишь!».

Плохо, очень плохо. Прямой мотив. Убийство из мести. Получается, что Константинос ему отказал – и на следующий день быстро умер с ножом для писем в спине. Да еще и отпечатки пальцев!.. Не поторопился ли ты обнадежить бедную

девочку? И все равно я не верю, что Димитрос убийца. Хотя, в состоянии аффекта зарезать может и тихий подросток... Но весь профессиональный опыт подсказывал Смолеву, что здесь не все так просто. Должен быть кто-то еще!

Пока Смолев размышлял, итальянка с тревого и надеждой следила за его выражением лица.

– Хорошо, Мария. Я все понял. Теперь скажи мне, когда вы увели вчера Димитроса, после драки, куда вы отправились? Вы были с ним все время? Когда вы вернулись на виллу?

– Мы ушли на море, сели в таверне у Софии. Димитрос был мрачен и очень расстроен, я пыталась его расспросить и понять, что произошло, но он почти ничего мне не рассказал, потом он начал пить... – Мария всхлипнула. – Я пыталась его остановить, но он стал злым, агрессивным, не слушал меня. Мы поругались, и я убежала в отель. Какая я идиотка! Мне не надо было оставлять его одного. Через час я вернулась обратно в таверну, но его там уже не было. Бармен сказал, что он ушел незадолго до моего прихода. Я звонила ему на мобильный, но телефон не отвечал. Я часа два ходила по берегу в поисках. Я подумала, вдруг он заснул где-то на песке. Но безрезультатно! Потом вернулась на виллу и увидела, что он сидит у моей двери и дремлет. Когда я его разбудила, он сказал, что тоже искал меня, сначала на пляже, потом в отеле, так и заснул под дверью. Сказал, что сотовый где-то оставил и не мог вспомнить где. Он был почти трезв

и абсолютно спокоен, просил прощения за свое поведение и сказал, что все будет хорошо. Я бы почувствовала, Алекс, если бы что-нибудь случилось!

– Во сколько это было?

– Думаю, около девяти вечера. Может быть, в половине десятого.

– Что потом?

Мария снова покраснела, но, взяв себя в руки, ответила Смолеву, глядя в глаза:

– Димитрос до утра был у меня в номере. Ушел только на рассвете! – И добавила твердым голосом: – Он не убивал, Алекс! Я знаю, что он ненавидел Константиноса, но он его не убивал!..

На следующее утро, ровно в восемь часов, Смолев постучал в дверь кабинета инспектора уголовной полиции Наксоса. Инспектор Антонидис ждал его в своем кабинете с раннего утра, придя на службу непривычно рано, почти в семь, чем крайне удивил своих помощников. Беседовать в их присутствии со специальным агентом Интерпола и выглядеть на его фоне бледно по всем статьям было выше его душевных сил. Поэтому обоим сержантам он «нарезал» по задаче: одному – опросить возможных свидетелей по факту серьезного правонарушения, имевшего место на прошлой неделе: краже квадроцикла со стоянки у отеля «Наксос Инн». Второму – обойти все пункты проката квадроциклов и, сверяясь с фото, выяснить, нет ли там его.

Для этого им предписывалось в течение ближайших двух дней побывать на трех основных пляжах Наксоса и опросить туристов и местное население, показывая им фото угнанного квадроцикла. Заведомо бессмысленная задача, поскольку все квадроциклы острова, как один, похожи друг на друга, как цыплята из одного инкубатора. Будучи уверенным, что, понимая это не хуже своего шефа, они, скорее всего, засядут где-нибудь в таверне на пляже, – тем не менее, он целых двадцать минут проводил с ними подробный инструктаж, в деталях пересказывая им инструкцию департамента о формах и методах проведения опроса населения для получения свидетельских показаний.

Инспектор злорадно наблюдал, как два его помощника окончательно сомлели после того, как он им прочел наизусть и детально разобрал один за другим три возможных сценария проведения опроса свидетелей происшествия, после чего скомандовал: «К выполнению задания приступить!», – и с грустной улыбкой смотрел, как сержанты бросились к вешалке за своими фуражками, а потом, толкаясь плечами, вылетели за дверь, от греха, пока их шефу не пришло в голову процитировать им еще пару параграфов из «Уголовно-процессуального кодекса», который он знал практически наизусть еще со времен учебы в Академии и любил этим блеснуть.

Когда дверь его кабинета отворилась, и вошел русский, инспектор уголовной полиции был уже один, печальный,

но покорный судьбе.

Привстав, он предложил свое место Смолеву, но тот решительно отказался.

– Спасибо, инспектор, но это ваш кабинет, – и вы тут хозяин! Я присяду, если вы не против, за этот стол, – показал он на стол одного из помощников.

– Как вам будет угодно, – ответил с поклоном инспектор, оживая. – Вот, прошу, все материалы по делу. Вот заключение патологоанатома о вскрытии. Удар, оказавшийся смертельным, был нанесен ножом для писем – сзади, слева, между пятым и шестым ребрами, практически перпендикулярно телу. Лезвие ножа вошло в тело несчастного почти по самую рукоять, на всю длину лезвия в пятнадцать сантиметров. Больше никаких ушибов, повреждений или порезов на теле жертвы не обнаружено. Ни гематом, ни кровоизлияний, ни следов асфиксии. Нож вошел точно в сердце и, по словам патологоанатома, как вы можете прочесть из его заключения, смерть наступила практически мгновенно.

– Крови, я так полагаю, было мало? – уточнил Смолев, быстро пробегая глазами желтый лист медицинского заключения на английском языке.

– Почти не было совсем. Обширное внутреннее кровотечение. Но снаружи – почти ничего, несколько капель. Удар был очень сильным и точным.

– Что по времени смерти? – спросил Алекс.

– Это вот здесь, чуть ниже, – указал пальцем инспектор. –

патологоанатом считает, судя по тканям тела, а также по содержимому его желудка, – смерть наступила между шестью и восемью часами вечера.

– Ясно. Где я могу взглянуть на результаты криминалистической экспертизы по отпечаткам пальцев?

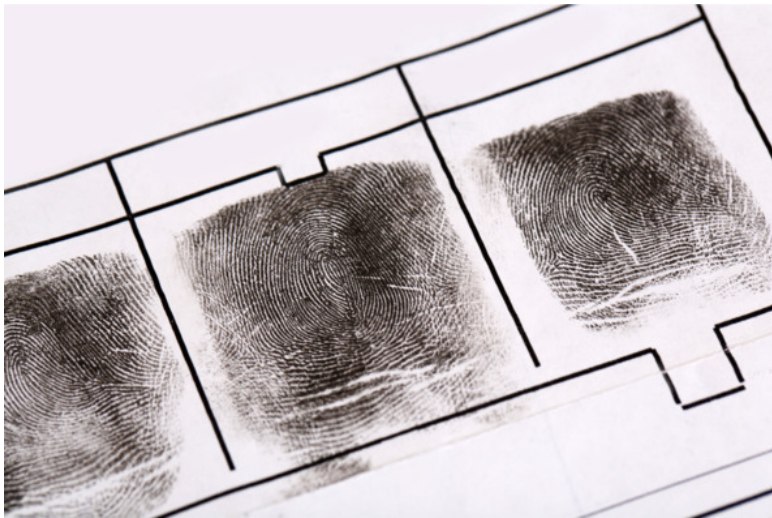
– Я, у нас... – смутился инспектор Антонидис, – у нас нет собственной лаборатории, к сожалению. Хотя я столько раз просил об этом начальство в Афинах! Но я владею техникой сбора и проведения сравнительного анализа отпечатков пальцев, у меня есть собственная небольшая портативная... мини... экспресс-лаборатория. Я приобрел ее за свой счет, еще в Академии, – окончательно стушевался он, ожидая насмешки от специального агента Интерпола.

Насмешки не последовало. Наоборот, Смолев с уважением взглянул на незадачливого инспектора, оказавшегося не таким уж и бестолковым. Он понял, чем постарается ему помочь, и тем самым окончательно привлечь его на свою сторону.

– Примите мое искреннее уважение, инспектор, – произнес Алекс, глядя ему в глаза. – Я рад встретить настоящего энтузиаста своего дела! Экспертиза в криминалистике – это основа всего. Я буду ходатайствовать перед своим руководством в Афинах, чтобы Интерпол предоставил в ваше распоряжение самые современные средства криминалистической экспертизы. Если вы составите список необходимого оборудования, – я передам его вместе со своим ходатайством.

Сказать, что инспектор был сражен таким неожиданным поворотом судьбы – не сказать ничего. Он почувствовал, что его островная хандра улетучилась, как утренний клочковатый туман, что стремительно тает под первыми лучами солнца. Одной фразой Алекс получил в свое распоряжение горячего сторонника.

– Вот результаты экспертизы, прошу вас! – уже не стесняясь, проговорил он. – Вот отпечатки, что я снял с ножа. А эти – всех работников виллы и некоторых гостей. Все комплекты пронумерованы и подписаны: дата, время, фамилия, – восемь комплектов. Хозяйка гостиницы, Димитрос, две горничные, садовник, уборщица, кухарка и секретарь убитого. Он гость, но сам вызвался, поэтому я посчитал необходимым...

– И правильно сделали, инспектор, – подтвердил Алекс, добавив по-русски: – Этот секретарь – та еще мразь... В ответ на удивленный взгляд Антонидиса уже по-английски добавил, что, по его мнению, от секретаря убитого можно было ожидать чего угодно.

– Возможно, вы правы, – пожал плечами инспектор. – Личность крайне неприятная. Но отпечатки пальцев на ноже – все же младшего Аманатидиса... Вот, прошу вас, лупа. Убедитесь сами!

Алекс сверил отпечатки пальцев с орудия убийства с отпечатками Димитроса Аманатидиса. Похоже, инспектор был прав: несколько ярко выраженных завитков решили дело.

Самый четкий отпечаток принадлежал большому пальцу правой руки Димитроса. Были еще несколько: два похуже и один совсем смазанный. Алекс внимательнейшим образом исследовал каждый. Два отпечатка похуже на ноже соответствовали контрольным отпечаткам указательного и безымянного пальцев Димитроса, совсем смазанный определить пока не удалось. Алекс отложил в сторону листки и задумался. Инспектор же тактично сделал вид, что занят документами у себя на столе.

– Послушайте, инспектор, – вышел из задумчивости Смолев, – а вы можете мне показать, как именно располагались отпечатки пальцев на ноже? Здесь я не вижу схемы или фото.

– Давайте осмотрим оружие убийства! Наверно, это самый простой способ, – предложил с готовностью Антонидис, открыл тяжелую дверцу металлического сейфа с вещественными доказательствами и достал прозрачный пакет с ножом.

– Вот, прошу, убедитесь сами – все отпечатки на своем месте. Они помечены порошком для дактилоскопии, вы их легко разглядите.

Очень любопытно, подумал Алекс. Отпечаток большого пальца правой руки находится ровно посередине короткой рукояти ножа для бумаг. При этом он располагался строго перпендикулярно самой рукояти. Два отпечатка указательного и безымянных пальцев ожидаемо находились на противоположной стороне рукояти. Неизвестный же, смазанный отпечаток, был ближе к лезвию ножа. Первая удача! – пора-

довался Смолев. Жаль расстраивать инспектора, неплохой он мужик, а придется!

– Спасибо, инспектор, я увидел все, что мне было необходимо, – сказал Алекс, возвращая папку с делом и пакет с уликой на стол Антонидиса. – Не могли бы вы поделиться со мной умозаключениями, которые побудили вас взять под арест младшего Аманатидиса по обвинению в убийстве?

– Безусловно, я готов. Итак, первое: это мотив. По словам секретаря, накануне – это рассказал ему его босс незадолго до свой гибели – Димитрос приходил к Константиносу, и они долго обсуждали денежные вопросы наследства. Ведь именно нотариус незадолго до своего убийства был назначен Георгиосом душеприказчиком после своей смерти. Димитрос настаивал на «справедливом дележе», требовал у нотариуса снять ограничения с операций по счетам. Якобы тот обещал сыну хозяйки подумать. Но после той безобразной сцены, что устроил Димитрос на другой день, старик в запале дал ему понять, что денег не будет. Это для младшего Аманатидиса означало полный крах всех его планов. Услышав это, он задумал убить старика из мести. Чем не мотив? Второе: возможность и отсутствие алиби. Константинос Галифианакис был убит, по словам патологоанатома, в период с шести до восьми вечера. Где в этот момент был Димитрос – никто не знает. Сам он говорит, что бродил по пляжу в поисках своей девушки, был в подпитии. Потом искал ее в отеле, но не нашел и задремал у двери ее номера. Крайне неубе-

дительно, на мой взгляд. Почему было просто не позвонить по мобильному телефону? Сейчас он есть у каждого школьника. Итак, на время убийства у подозреваемого нет алиби. Более того, владелец и бармен таверны, где они сидели с девушкой до этого, подтвердили, что он пил крепкие спиртные напитки. В баре не успевали смешивать для него ракомело. Они заявляют, что девушка пыталась его остановить, но он стал агрессивным, вел себя грубо, и она убежала в слезах. После чего просидел какое-то время, выпил еще несколько рюмок, расплатился и ушел. Не к Константиносу ли, продолжить разговор о наследстве?! Я считаю это вполне вероятным.

Здесь инспектор уголовной полиции сделал небольшую паузу, перевел дух, глотнул воды из стакана и поморщился: теплая!.. Но решил не отвлекаться: никогда еще его *так внимательно* не слушали.

– Итак, продолжим. Мотив есть, алиби нет. Ну, и решающий аргумент против него – это отпечатки пальцев. Думаю, что мой скромный дактилоскопический анализ подтвердит и лаборатория на материке. Вот что я думаю, господин Смолефф! – завершил он свою речь на победной ноте.

– Прекрасно, инспектор. Вы провели большую работу. Но есть некоторые нюансы, – спокойно и так же доброжелательно ответил «специальный агент». – Повторюсь, нюансы, которые вы упустили. Как известно, дьявол кроется в мелочах. Попробую, если не опровергнуть, то хотя бы поста-

вить под сомнение вашу позицию. Итак, мотив! Мотив, безусловно, у Димитроса был, я не стану отрицать. Но дело в том, дорогой инспектор, что мотив, похоже, был не только у него! – И Алекс подробно рассказал инспектору все, что узнал от старого садовника о том, как убитый много лет шантажировал семью Аманатидисов, про бойню в безымянной бухте и ненависть к убитому со стороны бывших товарищей по оружию покойного хозяина виллы. Чем больше он рассказывал, тем мрачнее становился инспектор.

– Я вполне допускаю, что кто-то из тех двенадцати все еще может быть на острове, и они не разучились убивать быстро и профессионально. Уж больно четко нанесен удар, тут работал настоящий мастер! Случайно такого удара не нанесешь, поверьте мне, я знаю. Второе: возможность. Да, алиби у Димитроса нет, я тоже соглашусь! Но после того, как Димитрос чуть не задушил этого мерзавца, а Константинос проговорился, что не намерен давать ему ни цента, простите, инспектор, но я не представляю, *как* мог бы убитый пустить подозреваемого к себе в номер?! И спокойно повернуться к нему спиной под удар? Его уже тогда колотило от страха при одном взгляде Димитроса! Галифианакис заперся на засов у себя в номере, даже ужин принесли ему туда. Как мне рассказала горничная, которая его обслуживала, нотариус потребовал поставить поднос перед дверью и отослал ее прочь. После чего, как она говорит, дверь открылась, поднос втянули внутрь, – и снова она услышала, как лязгнул засов. Нет, ин-

спектор! Для выпившего Димитроса попасть в номер убитого в тот вечер было нереально.

Инспектор растерянно почесал затылок. Какой русский жест, улыбнулся про себя Алекс.

– Теперь о вашем козыре, отпечатках пальцев, – продолжил Алекс. – Боюсь, что и тут я вас расстрою, инспектор. Скажите мне, пожалуйста, вы когда-нибудь убивали человека ножом? Или хотя бы наносили ему колотые раны? Вы владеете ножом как боевым оружием? Применяли его в рукопашной схватке? Может, резали ножом скотину?

– Ну что вы, – поежился инспектор. – Нет, разумеется!

– Тогда взгляните внимательно на расположение отпечатков пальцев! Большой палец правой руки расположен четко перпендикулярно рукояти и находится на самой ее середине. Так вот, дорогой инспектор! Как человек, профессионально владеющий холодным оружием, я вас заверяю, что с таким хватом за рукоять нанести удар такой силы, чтобы пронзить человека почти насквозь, – и не боевым, остро отточенным клинком, а тупым ножом для вскрытия корреспонденции, – просто физически невозможно! Если вы мне не верите на слово, проведите эксперимент. Возьмите аналогичный нож и пойдите в мясную лавку. Возьмитесь за рукоять тремя пальцами посередине, вот так, изящно, и попробуйте загнать нож в свиную тушу на всю длину клинка! Ставлю ящик пива «Amstel» (тут инспектор покраснел: что он еще знает?!), что вы не проткнете даже шкуры. Чтобы нанести

удар такой точности и силы, нужно быть мастером своего дела, знать, куда бить, а метили, безусловно, в сердце, чтобы убить на месте. И хват ножа может быть либо таким, – показал Алекс рукой, – либо вот таким. Тогда отпечаток большого пальца остается не на середине рукояти, а у лезвия, при прямом хвате, или, наоборот – с тыльной стороны рукояти, при обратном.

Смолев сделал паузу. Инспектор молча ждал продолжения.

– Следующее. Удар нанесен сзади, слева. Я точно знаю, что Димитрос правша. Это создало бы ему определенные неудобства при ударе сзади. Скорее, он ударил бы спереди. Чисто инстинктивно, правой рукой в сердце нотариусу. Учитывая значительную разницу в росте, попасть сразу в сердце неподготовленному бойцу крайне тяжело: ребра мешают.

Еще одна пауза. И снова молчание. Смолев пододвинул к инспектору пакет с ножом.

– И еще одно, не менее важное обстоятельство! Как вы объясните тот странный факт, что на ноже найдены только отпечатки Димитроса? Как мне рассказал персонал виллы, старик Константинос пробыл на вилле с самого дня похорон старого Георгиоса. Это было три с половиной недели назад. Со слов горничных, он вел очень активную переписку. Корреспонденцию ему носили пачками. В день перед убийством только секретарь привез ему несколько важных писем и пакетов. Не зубами же он их вскрывал? Ясно, что пользовал-

ся ножом с письменного стола. Возникает вопрос, а где же тогда отпечатки самого нотариуса? Получается интересная картина! Димитрос вошел к нотариусу, который его безропотно впустил, стер зачем-то отпечатки его пальцев с ножа, сам схватил нож, – даже, я бы сказал, не схватил, а нежно взял тремя пальцами за рукоять, – попросил Константиноса повернуться спиной, каким-то чудом загнал в него нож на длину всего лезвия, и ушел! Вам все еще не кажется это странным, инспектор?

Инспектору криминальной полиции уже давно хотелось провалиться сквозь пол от стыда. Не увидеть такую очевидную вещь, как расположение отпечатков, – было непростительной оплошностью! Этот русский прав, прав во всем. Сразу видно – профи!

Антонидис подавил тяжелый вздох. Дело гораздо сложнее, чем показалось ему на первый взгляд. Отказываться от первоначальной версии ему страх как не хотелось. Но если русский смог увидеть эти факты, начальство их тоже увидит. По большому счету, русский спас его от позора: еще чуть-чуть – и он стал бы посмешищем!..

– Да, я понимаю ваши доводы, – собравшись с духом, сказал он Смолеву, выжидательно смотревшему на него. – Они достаточно веские для того, чтобы следствие приняло их во внимание. Что вы предлагаете?

– Искать настоящего убийцу, – не раздумывая, ответил Смолев, пожав плечами. – Ничего другого нам не остается.

Мы с вами уже знаем, что он профессионал, силен физически, хорошо подготовлен, знает анатомию, привык убивать. И еще: его Константинос впустил в свою комнату сам! Думаю, что это сильно сузит круг наших поисков. Предлагаю вам заняться разработкой версии по армейским друзьям Георгиоса, из тех, что в настоящий момент проживают на острове или посещали его в день убийства. Я уверен, что ответ на вопрос, кто же убил Галифианакиса, лежит в его прошлом. Мне дали понять мои коллеги, что прошлое этого человека скрывает много тайн.

– Хорошо, но, все-таки, отпечатки пальцев Димитроса?..

– Это доказывает всего лишь, что он прикасался к этому ножу. Давайте переговорим с ним, попробуем выяснить, в какой момент и при каких обстоятельствах это могло произойти. Не будем забывать, что Димитрос работал на вилле наряду с другим персоналом. Его отпечатки там повсюду. Думаю, что он сможет пролить свет на этот вопрос.

– Он крайне замкнут, угрюм. Он отказался отвечать на мои вопросы. Мне даже показалось, что ему безразлично его будущее.

– Думаю, что я смогу это исправить, инспектор, – улыбнулся Алекс. – У меня к вам предложение: я попытаюсь его разговорить, а после того, как он нам расскажет, откуда все-таки его пальцы на орудии убийства, вы разрешите ему встречу с его невестой. В самом деле, неужели после всего, что мы сегодня с вами вместе выяснили, вы всерьез считаете

его убийцей? Думаю, что после того, как вы подадите в Афины рапорт с новыми обстоятельствами дела, которые стали вам известны, мы сможем перевести Аманатидиса из ранга подозреваемого в ранг важного свидетеля и ограничить его передвижения виллой.

– Я подам рапорт? Мне стали известны? – мучительно покраснел инспектор.

– Конечно, вы. Ведь вы ведете основное следствие. Я всего лишь вам помогаю, – еще шире улыбнулся Алекс.

– Я не против, – сдался после минутного колебания инспектор Антонидис. – Я разрешаю подозреваемому свидание с невестой. По времени не ограничиваю. Но только после того, как он наконец даст показания, черт его побери!

Часть шестая

Отбросьте все невозможное;
то, что останется – и будет ответом,
каким бы невероятным он ни казался.

Артур Конан Дойль, «Знак четырёх»

– Вы плохо выглядите, Димитрос, – произнес мягко Алекс, пристально глядя на сына Ирины.

Парень и в самом деле сдал: лицо приобрело нездоровый землистый оттенок, глаза запали, под глазами – синяки.

– Вы спали ночью?

– Нет, – с трудом разлепил губы Димитрос и отрицательно мотнул головой. – Не спал. Не смог.

– Я так понимаю, что и сутки ничего не ели? – догадался, нахмурившись, Смолев, оглядывая пустой стол с одиноко стоявшим кувшином для воды. – Как вы здесь, друг мой?

– Не знаю. Не помню... – Димитрос энергично потер лицо руками и ответил: – Простите, Алекс, я все никак не приду в себя. Мне приносили еду, но мне кусок не лезет в горло, когда я подумаю... Ведь я хотел свернуть шею этому старому мерзавцу своими руками, признаюсь, грешен! Очень хотел!

У Димитроса пересохло в горле, и он поискал глазами стакан. Алекс встал, снял с полочки стакан, ополоснул его от пыли водой из-под крана, налил воды из кувшина и подал ему.

Комната, которая служила камерой предварительного заключения при отделе уголовной полиции, видимо, использовалась крайне редко. Толстый слой пыли на мебели и на полу красноречиво свидетельствовал о том, что комнату не открывали несколько месяцев. Воздух тоже был отчаянно спертый, кондиционера не было, но толстые стены надежно защищали от дневного зноя. Кроме жесткого лежака, обтянутого дешевым «кожзамом», обшарпанного стола, двух неудобных стульев да умывальника в углу, – в комнате больше ничего не было.

Алекс распахнул настежь металлическую дверь с прорезанным окошком, в которое задержанным передавали еду,

и открыл небольшую форточку: свежий воздух был категорически необходим.

Димитроса вдруг словно прорвало, будто он отчаянно хотел выговориться.

– Вы даже не понимаете, Алекс, что означала для меня потеря виноградника и фермы, когда четыре месяца назад отец принял решение продать их. Я не мог поверить своим ушам! Три года! Три года тяжелой, упорной работы, чтобы возродить лозу, чтобы она снова начала плодоносить! А когда оставалось только снять урожай и разлить вино по бочкам, я узнаю, что все результаты моего труда, все мои усилия, все, что я вложил в этот виноградник – мою душу, Алекс! – все будет продано. Отец не хотел ничего слышать.

Димитрос сидел на лежаке, спустив ноги на пол, откинувшись спиной к оштукатуренной стене. Он принял стакан с водой из рук Алекса, отпил воды и с благодарностью взглянул на него.

– Поймите, Алекс, для меня это была полная катастрофа. Очень рано я понял, что лоза и вино – это мое призвание. Еще мальчишкой все детство я проводил на ферме с отцом и старым Христосом. Я вырос на земле, мои руки помнят каждую лозу, каждую ветку оливы на нашей ферме, – он отпил еще глоток, помолчал, вспоминая, и продолжил: – Потом отец отправил меня в Университет, учиться. Я мечтал вернуться каждый день. И однажды я вернулся домой! Я многое узнал и понял: как оживить старый виноградник,

как добиться хорошего урожая, как сделать прекрасное вино! И три года я работал не покладая рук! Трудился как проклятый! Самые счастливые три года в моей жизни, Алекс! Теперь все кончено...

Руки его дрожали, он поставил стакан с водой на пол, чтобы не расплескать.

– Ну-ну! С чего это вы взяли? – произнес Смолев успокаивающим тоном, внимательно выслушав арестанта. – Ничего вообще еще не кончено. Даже и не начиналось. Давайте так: вы мне ответите на мои вопросы, а потом я скажу, что мы все вместе будем делать, хорошо?

– Спрашивайте, – безучастно согласился Димитрос.

– Хорошо. Скажите мне, ваш отец как-то объяснил вам причину продажи виноградника и фермы?

– Нет. Он очень сердился, когда я пытался добиться от него ответа на этот вопрос. Я был совершенно растерян и подавлен, не понимал, что происходит. Незадолго до смерти отца мы снова поругались: я требовал, чтобы он объяснил, что кризис – не причина; кризис у всех, но мне казалось, что тогда уж лучше продать виллу. Отец пришел в ярость, и мы крепко повздорили. До самой его смерти мы больше не общались. Я очень жалею об этом. Не могу себе простить, что мог явиться причиной смерти отца, – Димитрос в отчаянии обхватил голову руками.

– Не думаю, что в этом ваша вина, Димитрос, – рассудительно сказал Алекс, покачав головой. – Другими слова-

ми, вы не знаете реальной причины, побудившей вашего отца продать виноградник?

– Нет. Да и теперь – не все ли равно? – молодой грек махнул рукой и снова обхватил голову.

– Ясно. Теперь послушайте меня внимательно, Димитрос. Первое: я уверен, что вы не убивали Константиноса. Второе: я нашел в деле много нестыковок, которые помогут снять с вас подозрения в убийстве. Третье: вам необходимо дать показания. Вы совершенно напрасно избегаете диалога с инспектором. Пусть он погорячился, но без сотрудничества с местной полицией добиться для вас освобождения будет крайне сложно. Самое важное: вы должны вразумительно объяснить нам, откуда отпечатки ваших пальцев на ноже для писем?

– Спасибо вам, Алекс! – с чувством сказал Димитрос, протянул руку, и Алекс крепко пожал ее. – Если бы не вы... Отпечатки на ноже, но это же очевидно! Это моя работа. После продажи виноградника с фермой я помогал маме на вилле. Дел всегда много, девчонки всего не успевают. Мы готовились к новому сезону, многое поменяли, обновили, так сказать. По мелочам, конечно, освежали внешний вид. Занавески, стулья, кое-где отремонтировали мебель, новые скатерти в ресторан, салфетки, кофейный сервиз... А насчет ножей для писем: мы закупили и во всех номерах поменяли письменные приборы. Убрать старые хотел еще отец, им было уже лет по десять, но не успел... Я сам их привез и раз-

ложил по номерам. Естественно, что на них на всех мои отпечатки пальцев!

– То есть, во всех номерах новые письменные приборы? – уточнил Алекс.

– Ну да, старые я собрал в ящик и куда-то убрал, не помню, – смутился Димитрос, – Я, кажется, тогда был не совсем трезв... Спасибо, что верите мне, Алекс. Я ненавидел этого невесть откуда взявшегося родственника, но я его не убивал!

– Я верю вам, – кивнул Смолев и продолжил. – Еще один вопрос. Я случайно стал свидетелем вашего разговора с Марией утром на следующий день после ужина с барашком. Я, безусловно, верю в любовь с первого взгляда, но мне показалось, что все произошло уж как-то слишком быстро. Вы не хотите мне ничего сказать? Это может быть важно.

– Вы правы, Алекс, – смущенно улыбнулся Димитрос. – Мы с Марией знакомы еще с университета. Ну, знаете, студенческая тусовка. Хотя, когда она поступила на первый курс, я был уже на четвертом. Мы встречались в компаниях, на дискотеках. Я-то сразу влюбился. Но очень сильно переживал, что она не сочтет меня достойным, – Димитрос сделал неопределенный жест рукой в воздухе. – Я имею в виду, что у нее богатые родители, огромное поместье в Тоскане, одних виноградников десятки гектаров. Ну, вы понимаете, о чем я... Отец ее – известный винодел, его вина три года подряд занимали призовые места на Международной сельскохозяйственной выставке. Да и в роду у них, если по-

искать, десяток графов да герцогов точно наберется... Она со смехом всегда об этом говорила, но мне было не до смеха... – Димитрос яростно потер лоб и взволнованно продолжил рассказ. – А тут я, грек, да еще с острова, семь поколений семьи Аманатидисов жили на острове, все рыбаки или крестьяне, как на грех, ни одного графа, – снова улыбнулся он грустно и потянулся за стаканом.

– Но оказалось, что Марии было на это плевать, – продолжил он, снова отпив немного воды из стакана и вернув его на пол. – Она призналась, что любит меня все душой и готова уехать со мной на мой остров. Мы мечтали, как мы будем выращивать виноград и делать свое вино. Она даже привезла мне лозы с виноградника своего отца в Тоскане. Я привил их и ждал, что вот-вот – и мечта наша осуществится. Через год Мария заканчивает Университет, становится врачом, и мы планировали пожениться.

Смолев внимательно слушал, не перебивая.

– Но случилось то, что случилось: четыре месяца назад, когда виноградник был продан, я честно рассказал ей об этом. Сказал, что не смогу жениться на ней, пока не верну виноградник и ферму обратно. И она замолчала почти на четыре месяца. Ее приезд на остров и появление на ужине стали для меня полной неожиданностью. Мне пришлось делать вид, что мы не знакомы.

– Ваша мама знает? – улыбнулся Алекс.

– Нет, я ничего ей не говорил. Для мамы это станет неужи-

данностью, – и не факт, что она это примет легко. Ведь Мария – итальянка, да еще и католичка, а не «добропорядочная православная гречанка из приличной семьи на острове», – процитировал он слова, которые, видимо, не раз слышал от родителей. – Родители, конечно, ничего не знали. Для них сам факт отношений до брака неприемлем. И такую девушку они бы осудили бесповоротно. Особенно отец, он всегда был очень резок в суждениях. Но она приехала! И я был счастлив, пока Константинос не заявил, что никаких денег после смерти отца мы не получим. Все наши надежды рухнули в очередной раз!

– Хорошо, – решительно поднялся со стула Смолев. – Сейчас вы дадите эти показания под протокол инспектору, это вы уже сделаете без меня. Мне необходимо срочно вернуться в отель, чтобы кое-что проверить. У меня появилась идея. И возьмите себя в руки, друг мой, умойтесь и побрейтесь. Я попрошу инспектора, чтобы вам принесли все необходимое. Вы же не хотите, чтобы Мария нашла вас в таком виде?

– Как Мария?! – вскочил молодой грек с лежака; от его тоски и апатии не осталось и следа. – Неужели?.. – спросил он, не в силах поверить в слова Смолева.

– Инспектор разрешил вам с Марией свидание, – широко улыбнулся Алекс и дружески похлопал Димитроса по плечу. – Вот что я вам скажу: приходите-ка в себя, друг мой, оставьте отчаянье, настраивайтесь на борьбу, а она потребует сил. И вообще, у меня корыстный интерес, чтобы вы вер-

нулись на виллу как можно скорее: мне приходится в ваше отсутствие не только расследовать дело, но и утирать слезы вашей невесте, а заодно и исполнять обязанности управляющего. А это, знаете ли, крайне хлопотно для человека, приехавшего на остров отдохнуть! От одной Катерины и ее жениха Костаса у меня скоро начнется головокружение!

Впервые с начала разговора Димитрос весело рассмеялся. Ну, кажется, дело пошло на лад, с облегчением подумал Алекс.

– Да, еще попрошу Марию, чтобы она захватила для вас что-нибудь с кухни, а заодно веник и тряпку, уж больно здесь пыльно. Но, к счастью, долго вы здесь не задержитесь. Вот уже идет инспектор. Запомните, ваши показания крайне важны!

Алекс услышал шаги инспектора по коридору – видимо, двадцать минут, что просил он у Антонидиса на приватную беседу с подозреваемым, истекли.

– Добрый день, инспектор, – спокойно и уверенно сказал появившемуся в дверях полицейскому молодой грек. – Я готов дать показания и ответить на все ваши вопросы. Простите, что не сделал этого раньше.

– Прекрасно! – заметил Антонидис, привычно вытирая пот со лба. – Прекрасно. Давно бы так! Очень разумно с вашей стороны. Что ж, в этом случае я разрешу вам свидание с невестой. По времени вас не ограничиваю, – повторился он.

По большому счету, он добряк, глядя на пыхтящего от духоты бедолагу-инспектора, подумал Алекс.

– Инспектор, я вас покидаю, мне необходимо срочно вернуться на виллу. Вы не возражаете, если я пришлю человека с вещами для Димитроса: ему необходимо привести себя в порядок и переодеться перед свиданием с невестой.

– Никаких возражений, – энергично закивал инспектор. – Полностью с вами согласен. Я вот здесь набросал, как вы мне рекомендовали, список оборудования для лаборатории, – смущенно продолжил он приглушенным тоном, подойдя ближе к Алексу. И, после небольшой паузы, помявшись, закончил: – Я хотел это с вами обсудить сразу после допроса, но если вы уже уходите...

– Прекрасно, давайте список, сегодня же он уйдет в афинское бюро Интерпола. Как я и обещал, я приложу все усилия, – бодро заверил инспектора Смолев. – Не сомневайтесь!

Лицо инспектора расцвело радостной улыбкой ребенка, которому посулили вожаделенную и долгожданную игрушку. Поклонившись инспектору и подмигнув Димитросу, Алекс поспешил в отель. Ему было необходимо проверить одну теорию, которая неожиданно сложилась у него в голове.

Поднявшись на галерею к своему номеру, Алекс увидел спешащего ему навстречу синьора Карлоса Мойю.

У хирурга были закатаны рукава белоснежной рубашки, в руках был небольшой тазик, где, после того, как испанец приблизился, Алекс заметил несколько шприцев, ампулы,

пакеты с физраствором и все необходимое для капельницы. Мужчины тепло поприветствовали друг друга. Заметив, что хирург был в медицинских перчатках, Алекс не стал предлагать руку для рукопожатия, ограничился лишь поклоном.

– Как дела у Димитроса? – поинтересовался испанец. – Это обвинение в его адрес просто смехотворно.

– Пока не все так просто, – ответил Алекс. – Я надеюсь добиться для него изменения меры пресечения. Мне кажется, что я сумел заронить сомнение в голову инспектора, он уже не так уверен в том, что Константиноса убил младший Аманатидис.

– Это замечательная новость! – просиял синьор Карлос. – Мне пришлось ставить капельницу его невесте, Марии, но думаю, что лучше всяких медикаментов ей помогли бы хорошие вести.

– Да, но все зависит от того, сможем ли мы убедить полицейское начальство в Афинах, – сказал задумчиво Алекс, пожав плечами. – Захотят ли они отказаться от простого и быстрого решения в пользу долгого и кропотливого следствия с непредсказуемым исходом. К сожалению, – добавил он, вздохнув, – мой опыт общения с полицейским бюрократическим аппаратом различных стран часто говорил об обратном.

– И что могло бы их убедить в полной невиновности нашего друга Димитроса? – задал вопрос хирург.

– Раскрытое преступление и пойманный убийца. Мне уже

дали это понять мои коллеги из Интерпола. Но, как минимум, мне удалось добиться для Марии свидания с женихом.

– Я вас понял, – задумчиво произнес синьор Карлос. – Что ж, видимо, так и должно быть. Новость насчет свидания немедленно поставит ее на ноги, сообщите ей ее скорее.

– Я зайду к ней, обязательно. Как чувствует себя Ирини?

– Возраст, мой друг, возраст. А тут еще такое потрясение! Сначала муж, теперь вот – сын... Но что поделаешь. Кстати, – добавил он, иронично улыбнувшись. – Чета Файер ухаживает за ней. Мне показалось, что они ее даже чем-то лечат. На мой прямой вопрос они сразу оглохли. Но Ирини им полностью доверяет, да и, к слову сказать, сегодня ей гораздо лучше, чем вчера. Не думаю, что дело исключительно в моих капельницах. Будем надеяться, они знают, что делают.

Несмотря на бодрый тон хирурга, Смолев заметил, что испанец сам глубоко измотан, хоть и не показывает виду. Ему даже в какой-то миг показалось, что хирург пошатнулся. Он быстро сделал шаг к нему и участливо спросил:

– А как ваше самочувствие, друг мой, мне кажется, вы несколько устали? Может быть, мне проводить вас в ваш номер?

– Чепуха! – после небольшой паузы, поборов видимую слабость, ответил испанец. – С некоторого времени я чувствую себя превосходно! Я много лет не чувствовал себя так хорошо. Спасибо, мой друг, не беспокойтесь. Если вдруг я вам понадоблюсь, я буду у себя.

Испанец поклонился и, неестественно выпрямившись, зашагал в сторону своего номера. Смолев внимательно смотрел ему вслед. Какая-то мысль пришла ему в голову во время разговора. Мелькнула и пропала, вытесненная беспокойством Алекса о здоровье синьора Карлоса. А ведь было что-то важное, имевшее отношение к делу, но что?

В задумчивости он дошел до ярко-синей двери с металлической цифрой «5» и постучал.

Открыла Катерина. Увидев Алекса, она тихо вскрикнула от радости:

– Это вы, босс! Ну наконец-то! – и посторонилась, пропуская его. – Проходите, доктор Мойя только что ушел. Он сделал Марии капельницу, вроде ей стало лучше.

Мария лежала на кровати и, жалобно глядя на Алекса, силилась улыбнуться.

– Ну, босс, новости есть? Ну? Не томите! – спросила Катерина, пройдя в комнату вслед за Алексом.

– Итак, девушки, – бодро скомандовал Алекс. – Слушайте мою команду! Катерина! Немедленно соберите для Димитроса все принадлежности для бритья, полотенце, белье, чистую сорочку, – и бегом в полицейский участок! Инспектор предупрежден, он передаст все это нашему другу. Мария, собирайтесь и спокойно следуйте туда же, дайте вашему жениху время привести себя в порядок. Свидание вам согласовано. По времени не ограничено. Возможно, завтра мы переведем его на виллу.

Девчонки, не стовариваясь, издали громкий радостный крик. Мария вскочила, – и они обе повисли на шее у Алекса, целуя его в обе щеки. Потом итальянка случайно взглянула на себя в зеркало и в ужасе начала метаться по номеру с отчаянными криками на родном языке: «Боже мой, как я выгляжу, какой кошмар! У меня грязная голова, а глаза, глаза опухли! Где моя косметичка, боже, куда я ее подевала, все, я в душ!».

Как был прав испанец, подумал Алекс. И никаких капельниц не надо.

– Катя, вот что еще, – подойдя к письменному столу, добавил Смолев по-русски. – Соберите этой парочке поесть: Димитрос постится уже сутки, да и Мария, думаю, тоже голодна. Так что пусть на кухне соберут все, что нужно. И возьмите, я разрешаю, – в конце концов, управляющий я или нет! – бутылочку вина из тех запасов, что угощал нас Димитрос накануне, и положите им в корзинку вместе со штопором. В этом номере есть штопор?

– Да, босс, но у меня есть в кармане лишний, – преданно глядя на Смолева влюбленными глазами, сообщила горничная. – Ребята из шестого номера, видимо, с вечера оставили на веранде.

– А им он не пригодится? – внимательно разглядывая письменный набор на столе, уточнил Алекс.

– Нет, они съехали сегодня утром, – покачала головой Катерина.

Алекс в это время внимательно изучал нож для конвертов, стоящий в подставке на письменном столе. И вдруг он издал тихий вопль, схватил нож в руки и начал крутить перед глазами.

– Катерина, во всех номерах виллы вот именно такие ножи для писем? Они везде одинаковые?

– Ну да, разумеется, босс. Это из новой партии, что Димитрос закупал на новый сезон. Они везде одинаковые, ведь наборы менялись целиком. А почему вы спрашиваете?

– Потому, что я осел, – невпопад ответил Алекс и хлопнул себя по лбу. – Где были мои глаза? Так, мне надо срочно попасть... В каком номере жил убитый? Во втором? У кого ключи? Срочно неси мне ключи! И вот еще что: ключи от всех номеров, откуда съехали постояльцы. И захвати мне дюжину полиэтиленовых пакетов среднего размера, найдутся у нас такие?

– Да, есть, на кухонном складе.

– Все, немедленно, я жду тебя в своем номере. Судя по всему, – прислушиваясь к плеску в душе, – полчаса у тебя точно есть. Ты все успеешь.

– Хорошо, босс! Одна нога... Нет – обе ноги там! – и Катерина стремительно покинула номер.

Алекс завернул нож, изъятый им со стола Марии, в белоснежный платок и, в свою очередь покинув ее комнату, отправился к себе. Там он на письменном столе расстелил платок. Справа, чтобы не перепутать, положил на него нож

из пятого номера, слева – тот, что лежал в подставке на его письменном столе.

Ножи были абсолютно идентичны. Через пять минут в дверь постучали: запыхавшаяся Катерина принесла ему связки ключей с номерками от свободных комнат, ключ от комнаты Константиноса и небольшой рулон полиэтиленовых пакетов, стянутых резинкой. Отдав все это Алексу, она так же стремительно исчезла выполнять его распоряжение насчет Димитроса.

В течение следующего получаса Алекс методично обходил все гостевые номера и собирал ножи для писем, раскладывал их в отдельные полиэтиленовые пакеты. В каждый он заранее положил желтый стикер с написанным номером комнаты.

В комнате номер один жил Димитрос, нож оказался в подставке. Дверь комнаты номер два, где произошло преступление, была опечатана. Алекс вздохнул, пожал плечами, снял печать и открыл дверь.

В отличие от своего секретаря, Константинос Галифианакис отличался маниакальной страстью к чистоте и порядку. Все было на своих местах, все разложено по полочкам. На письменном столе лежали стопками пачки писем, газет и журналов, аккуратно отсортированные, с закладками. Ежедневник, исписанный аккуратным почерком нотариуса, был открыт на странице с датой убийства. Алекс, не беря его в руки, заглянул в него. На вечер того злополучного дня Кон-

стантинос запланировал, по-видимому, несколько телефонных звонков, даже были указаны телефонные номера. Абоненты значились в записной книжке только двумя буквами инициалов.

Судя по номерам, Алекс определил, что четыре звонка он планировал сделать в Афины, два – в Штаты, и еще там значилось несколько номеров мобильных телефонов, принадлежащих греческим провайдером связи. Больше на странице относящейся к этой дате, не было ничего, если не считать в самом низу страницы какой-то странный, обведенный кругом крест. Зловещая метка, если принять во внимание все случившееся, подумал Алекс. Что бы это могло означать?

Алекс пожал плечами, сфотографировал страницу в записной книжке и отправил сразу в два адреса: Виктору Ману и Теодоросу Антонидису.

Ножа для писем на подставке не было.

Алекс осмотрел всю комнату очень тщательно, заглянул под мебель и под ковер, проверил все шкафы и даже ванную и туалет. Ножа для бумаг в номере определенно не было. Уходя, Алекс запер дверь и вернул печать на место.

В третьем номере оказался секретарь покойного. Он с хмурым лицом молча выслушал Смолева, разболтанной походкой дошел до стола, вручил ему нож и хамски захлопнул дверь у Алекса перед носом.

Черт с ним, подумал Алекс, не до него сейчас.

В четвертом номере отдыхала пара греческих старичков,

они пригласили Алекса войти, вынесли ему нож, предложили прохладительных напитков. Милейшие люди! Алекс поблагодарил их и отказался.

Судя по звукам плещущейся воды из пятого номера, Мария все еще была в душе.

Из шестого номера, как сказала ему Катерина, постояльцы съехали рано утром. Алекс открыл дверь хозяйским ключом. Комната была уже убрана. Нож для писем оказался на столе в подставке.

В седьмом номере проживали испанцы. Алекс постучал в дверь, открыл синьор Карлос, тепло улыбнулся и предложил войти. Увидя в руках Алекса целую коллекцию ножей для бумаг, разложенных по разным пакетам, он вопросительно посмотрел на Смолева.

Алекс объяснил цель своего прихода. Синьор Карлос задумчиво кивнул и скрылся в глубине номера.

Алекс услышал, как он выдвинул ящик стола, затем раздались шаги, и испанец вручил Смолеву нож для конвертов, абсолютно идентичный тем, что уже были у него в руках. Сердечно поблагодарив синьора Карлоса и уже уходя, Алекс подумал, что испанец все-таки плохо выглядит. Он был еще бледнее, чем когда Алекс встретился с ним на галерее сегодня. Не вызвать ли ему самому врача? – подумал Алекс.

Остались три номера.

В восьмом жила чета Файер, Николай Францевич поприветствовал Смолева церемонным поклоном, а его супруга

Перренель вынесла нож.

Из девятого съехали жильцы, нож тоже оказался в подставке.

В десятом жили англичане, Лили и Джеймс Бэрроу. Слава богу, что парочку археологов удалось застать на месте. Они слегка удивились, но нож вынесли и напомнили Алексу о данном обещании по поводу совместной морской прогулки вокруг острова.

В одиннадцатом жил он сам. В короткий срок обойдя всех, Алекс собрал все ножи и вернулся к себе в номер. В этот момент на столе зазвонил телефон. На линии был инспектор Антонидис. Смолев обрадовался звонку.

– Дорогой инспектор, очень удачно, что вы мне позвонили. Я направил вам фото из записной книжки убитого. Да, мне пришлось войти в его комнату... Не переживайте, все формальности мы соблюдем позже, ответственность я беру на себя. Так вот, там указаны телефоны, по которым он, вероятно, планировал звонить в тот вечер. Нам необходимо выяснить, звонил ли он – и кому. Особенно по номерам мобильных телефонов. Что нам это даст? Возможно, он звонил и договаривался, сам не зная того, на встречу с убийцей. Ведь не надо забывать, что покойный впустил убийцу в номер сам, и добровольно. Насколько мне о нем известно, он не отличался общительностью, и это еще мягко сказано. Значит, посетитель был важен для Константиноса, возможно, что он был очень заинтересован в его визите, – выслушав

ответ Антонидиса, Смолев продолжил: – Спасибо, инспектор, я вам очень признателен. Как прошел допрос?

– С допросом все в порядке, – подтвердил инспектор. – Я даже удивлен той перемене, которая произошла в подозреваемом. Он стал совершенно другим человеком, подробно ответил на все мои вопросы, все время улыбался. Сейчас ему принесли вещи, я передал, не беспокойтесь. Когда я выходил от него, мне показалось даже, что он что-то весело напевал. Что такое вы с ним сделали?

– Это не я, – добродушно рассмеялся Алекс. – Эти чудеса творит любовь, мой дорогой инспектор. И все благодаря вам!

– Не слишком ли вы обнадежили Димитроса, ведь дело еще не закончено? – осторожно спросил инспектор уголовной полиции.

– Я уверен, что он не убивал. Я смогу это доказать, – твердо произнес Алекс. – И, кстати, о деле. Мне необходимо, чтобы вы сфотографировали нож и прислали мне фото прямо сейчас. Да, да, орудие убийства. Мне необходимо проверить одну версию. Огромное вам спасибо, инспектор, жду!

Положив трубку, он аккуратно разложил на столе пакеты с ножами по порядку возрастания номеров комнат, из которых он их забрал. Все десять. А комнат – одиннадцать. Отсутствовал нож из комнаты убитого. На первый взгляд, все логично. Извлеченный из спины убитого, он должен быть в сейфе у инспектора уголовной полиции вместе с другими вещественными доказательствами.

Именно так думал и Смолев, пока не стал внимательно разглядывать нож для писем из комнаты Марии. Айфон издал характерную трель, предупреждая о полученном сообщении. Момент истины! Смолев затаил дыхание, открывая фотографию ножа... Да, так и есть! Он оказался прав. В этот момент в его голову пришла еще одна мысль. Он снял трубку телефона и набрал номер ресепшн.

– Катя, – спросил он по-русски. – Ты уже вернулась?

– Да, босс! – весело ответила горничная. Из трубки доносилась какая-то отчаянная возня и смех. – Костас пришел меня навестить. Вы не против? Я нужна? Мы можем подойти!

Ни в коем случае, подумал Алекс. Я от этой пары веселых сурикатов с ума сойду. Только не сейчас!

– Нет, оставайся на посту, – распорядился он. – Но ответь мне на вопрос. Помнишь штопор, что был у тебя в кармане?

– Конечно, – удивленно ответила горничная. – Он из шестого номера. Но жильцы съехали сегодня утром, и он пока не нужен.

– Да, да, это я помню, – нетерпеливо ответил Алекс. – Но как по штопору ты определила, что он именно из шестого номера, а не из девятого или первого? Они же все одинаковые – или нет? Ведь ты не видела, кто его оставил?

– Одинаковые, конечно. Так по номеру и определила, – непонятно ответила Катерина.

– Какому еще номеру? Они что, подписаны? – неожидан-

но дошло до Алекса.

– Ой, босс, ну конечно! Все вещи из номеров для гостей помечены, иначе горничная бы ноги сбила, обходя все номера, чтобы узнать, где именно не хватает штопора. А так посмотрел на гравировку – и сразу все понятно! Это еще старый хозяин придумал, очень удобно. А вы не знали?

– Я не знал, – медленно ответил Алекс. – И еще вопрос: куда обычно на вилле складывают старые вещи? Есть какой-то склад? Куда Димитрос мог отнести коробку со старыми письменными приборами?

– Так мы же с вами там были, Алекс, – ответила горничная. – Ой, ну как же! Помните, когда навещали садовника? Там есть сарай, он там инвентарь держит, инструменты. Туда же мы все и сносим; он это как-то приспособливает для своих нужд в саду или сам выбрасывает. Так уж годами заведено!

– Ясно, – помолчав, ответил Смолев.

– Что-нибудь еще, босс? – бодро спросила девушка. Было слышно, как кто-то скачет вокруг нее и топает ногами.

– Не разнесите виллу на пару с Костасом, – пробурчал Смолев.

– Ни-ког-да! – весело рассмеялась Катерина и положила трубку.

Смолев медленно и задумчиво положил телефонную трубку на рычаг.

Ну, что ж. Пора узнать правду. Он прислушался к се-

бе и с удивлением обнаружил внутреннее замешательство, словно правда могла оказаться неприятной и горькой для него самого. Его охватило плохое предчувствие. Поэтому он бессознательно медлил, зачем-то выдвигая и задвигая подряд все ящики письменного стола, делая вид, что разыскивает лупу, которая лежала прямо перед ним на столе в подставке для письменных принадлежностей.

Долго зачем-то переключивал пакеты с ножами с места на место. Тянул время. Достал, разгладил руками листок со списком оборудования для лаборатории, сфотографировал и отправил сразу фото Виктору Манну. Вслед отправил ему же пару сообщений. Все. Тянуть время дальше поводов больше не было.

К черту, подумал он, разозлившись на себя: в конце концов, надо делать дело. А любое дело надо доводить до результата, как бы тебе ни было тошно. Взялся – делай. Не можешь – не берись. И не корчи из себя институтку.

Он решительно взял в руку лупу и внимательно осмотрел каждый нож по очереди. Повторив эту процедуру дважды, он отложил один пакет в сторону, положил лупу в подставку, поднялся из-за стола и вышел на балкон.

Глядя на лазурную гладь моря, он думал о том, что и здесь, похоже, на прекрасных греческих островах не видать ему ни спокойствия, ни безмятежности.

Теперь всю оставшуюся жизнь он будет мучиться угрызениями совести и жалеть о том, что должен будет сейчас сде-

лать.

Этот мучительный выбор между своими желаниями и долгом ему приходилось делать в жизни много раз. И страдать потом, глубоко переживая о случившемся.

Он вдохнул морской воздух полной грудью, постоял еще пару мгновений, потом вернулся в комнату, взял айфон, отправил Виктору Манну короткое сообщение: «Я нашел его. Приезжай!», захватил со стола пакет с ножом с большой цифрой «7» на стикере и через пару минут уже стучал в дверь синьора Карлоса Мойи.

Часть седьмая

Возмездие все же есть. Есть. За каждую каплю крови, за каждую слезу. Не теперь, так завтра. Не самому, так потомкам. Их суд или суд совести – возмездие есть. Оно не спит... И никому не убежать. И я уверен, и это дает мне силу жить!

В. Короткевич, «Черный замок Ольшанский»

Когда синьор Карлос открыл Алексу дверь, и они встретились взглядами, испанец помедлил, потом понимающе улыбнулся и без всяких вопросов, отступив в сторону, жестом пригласил Алекса войти, потом плотно закрыл дверь и запер ее на ключ.

– Не хочу, чтобы нам помешали, – сказал он в ответ на вопросительный взгляд Алекса. – Проходите и присаживайтесь, мой друг! Предлагаю вам подкрепить силы бокалом хорошего вина. Разговор у нас, похоже, будет долгим.

Они прошли в комнату.

– Это испанское, настоящая «Риоха», из волшебного сорта Темпранильо, и отличный год! Мне вчера прислали с материка две бутылки. Кстати, одна как раз предназначалась вам. Я вас ждал, Алекс. Видите, на столике – два бокала. Я знал, что вы придете – даже успел декантировать вино. Его непременно надо декантировать, чтобы ощутить весь вкус... Вот вы и пришли! И я искренне рад, что это именно вы. Во-

первых, вы поймете, почему я не мог поступить иначе, во-вторых, вы дадите мне шанс рассказать в последний раз историю моей жизни на родном языке, а не греческому следователю на английском, а в-третьих, вы – настоящий знаток вина и сможете оценить этот волшебный напиток по достоинству.

– Благодарю вас, Карлос, – ответил Алекс. Он сел в кресло и огляделся.

Номер испанца выглядел чуть иначе, чем стандартные номера виллы: угловой и более просторный, окна и балкон выходили на две стороны. В нем была пара удобных кресел и журнальный столик.

Испанец сел в кресло напротив, налил в оба бокала вино из стеклянного декантера, взял свой бокал за ножку и посмотрел сквозь вино на свет.

– Какой благородный рубин, обратите внимание, мой друг! – он вдохнул носом аромат вина из бокала. – А какой замечательный, хоть и сложный букет... Здесь перемешались запахи глинистой земли, нагретой испанским солнцем, ароматных трав, фиалки, ягод ежевики и смородины, дерева, даже кожи. Это вино, дорогой Алекс, выдерживали в двухсотлитровых дубовых бочках три года, потом разлили в бутылки и хранили еще несколько лет. Я хранил его для особого дня! – Он помолчал немного, светло улыбнулся и продолжил. – Вино – как жизнь человека. Знаете, я все чаще думаю, что бутылки с вином – как люди. Внешне похожие в чем-то друг на друга, но с таким разным содержанием. Некоторые – просты и бесхитростны, но надежны, и ты всегда знаешь, чего от них ожидать; другие, вобрав в себя всю полноту вкусов, запахов и оттенков родной земли, становятся волшебным нектаром, амритой, от которого невозможно оторваться; третьи же, изготовленные нерадивым ви-

ноделом, скисают и превращаются в уксус или горький яд.

Он сделал паузу и пригубил свой бокал с вином.

Алекс молчал, не зная, как начать разговор, ради которого он сюда пришел.

– Не мучайтесь, Алекс, – внимательно наблюдая за ним, проговорил синьор Мойя. – Я вижу, как вы терзаетесь, и это лишь показывает мне, как вы искренне ко мне расположены. Я сниму этот камень с вашей души, мой друг. Я понимаю, что вы здесь не просто так и тоже пришли к этому решению. Да, – просто сказал он. – Это я убил старого Галифи-анакиса! И жалею лишь об одном, что не убил его, когда он был молодым. Сколько людей я мог бы избавить от страданий по вине этого мерзавца. Пейте вино, наслаждайтесь, оно восхитительно! А я пока вам расскажу одну историю из далекого прошлого про двух молодых людей, которые любили друг друга, но так и не смогли быть счастливы... – Он бросил взгляд на часы. – Время у нас пока есть.

– Вы кого-то ждете? – спросил Алекс. – Кстати, синьора Долорес к нам не присоединится?

– Да, у меня сегодня будет еще один гость, вернее, гостья, – непонятно ответил испанец, глядя куда-то в сторону. – Но думаю, что до ее визита у меня есть еще пара часов... Долорес уехала в поездку на Санторини на пару дней. Я настоял. По этому поводу у меня к вам чуть позже будет просьба, Алекс. Ну, а пока начнем с самого начала. Помните, во время нашего знакомства вы заикнулись о том, что тоже

бывали в Ронде, но вам не удалось ни разу побывать на корриде? Обычно я избегаю этой темы. Но сейчас я должен рассказать вам всё, – испанец сделал еще глоток вина из бокала. – Мне было двадцать четыре года, десять из которых я бредил корридой, в ней была вся моя жизнь. Для паренька из захолустной деревни в Андалусии я сделал головокружительную карьеру. Я стал известным тореро. А вы вряд ли себе можете представить, Алекс, что это значило – быть испанцем и известным тореро в двадцать с небольшим, когда кровь твоя бурлит и кажется, что вся жизнь впереди, а мир распахнул тебе двери, – и все вокруг создано только для тебя, стоит лишь протянуть руку! Деньги, слава, женщины, лучшие вина, – все было мне доступно. Друзей – тысячи, моё имя гремело. Лучшие арены, лучшие быки! Ронда, Севилья, Памплона, Барселона, Кордова и Мадрид! Меня называли достойным преемником великих матадоров: Хуана Бельмонте и Хоселито Гомеса. Мой стиль сравнивали со стилем самого Рафаэля Гонсалеса! Я никогда не тратил больше двух ударов шпагой, чтобы убить быка в решающем поединке. Один удар – вот к чему всегда стремился я на арене. Мой глаз был точен, а руки – тверды, как железо. Если бы вы могли видеть меня, мой друг, со шпагой в правой руке и с мулетой – в левой, стоящим напротив быка, у которого еще остались силы, чтобы сделать последний бросок! Мы замираем друг напротив друга, и неожиданно бык срывается и летит мне навстречу, навстречу своей смерти, – и тут моя шпага прон-

зает его сердце, проходя между ребрами! Два уха и хвост в качестве приза мне вручались сразу, на глазах у зрителей. А сколько раз я покидал арену на плечах у восторженно ликующей толпы! Я зарабатывал очень много. Миллионы песет! Часть откладывал, но и без счета спускал на содержание своей квадрильи, подарки родне, женщинам и бесшабашные гулянки, которые организовывал для друзей. Но денег было много, и они никогда не кончались. Деньги и слава! Слава лучшего матадора Андалусии!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.